

ИРИНА МАЛЬЦЕВА

По следу аркуды

Возвращение в Медвежью лощину

The background of the book cover features a dark blue, almost black, grid pattern that recedes into the distance, creating a sense of depth and perspective. The grid lines are slightly blurred and fade out towards the horizon, which is represented by a dark, jagged silhouette of a mountain range or a valley. The overall color palette is monochromatic, consisting of various shades of blue and black.

12+

Ирина Николаевна Мальцева
По следу аркуды. Возвращение
в Медвежью лощину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63677557

SelfPub; 2021

Аннотация

"По следу аркуды. Возвращение в Медвежью лощину" – это продолжение истории о приключениях четверки друзей, которые из 21 века через временной портал попали в дохристианскую Русь. Их ждут еще более захватывающие приключения, они совершают подвиги и влюбляются. Каждый из них находит свою жизненную дорогу и уже не собирается возвращаться в современный мир.

Ирина Мальцева

По следу аркуды.

Возвращение в

Медвежьё лощину

Волхв

Наступил тот час ночи, которого боятся больные в реанимации или очень старые люди, чувствующие, что тонкая нить, связывающая их с жизнью, натягивается и готова лопнуть с жалобным звуком порванной гитарной струны. В этот глухой ночной час совершаются нечаянные убийства дома на кухне или в подворотне, в молодежном клубе или в тюрьме. Машины, несущиеся по скоростным автострадам, виляют в сторону, когда на них несется автобус с заснувшим за рулем водителем.

На пещеру в Медвежьей лощине навалилась именно такая тишина, какой не бывает в жизни, потому что жизнь наполнена звуками, шорохами, криками, шепотом...

Мертвую тишину обретают только мертвые, а парни, без сил свалившиеся у стены, напротив стены с рисунками, были живы. В их снах присутствовали звуки леса, голоса дреговичей, вой ветра и плеск реки. Их усталые до предела тела реагировали на видения во сне дерганием ног, шевелением

пальцев рук, дрожью кожи.

Ярик изредка вскрикивал, звал Мыську, которая залезла в его сне высоко на дерево и не хотела спускаться. Мощный храп Дизеля напоминал звук мехов в кузне Догора. По-щенячьи скулил от боли Волчок, прижимаясь раненным боком к теплому животу Клима. Тот сквозь сон чувствовал это и успокаивал друга: «Терпи, заживет...»

Вытянувшись во весь рост и запрокинув голову так, что острый подбородок указывал на щель в куполе пещеры, Грек доживал последние минуты своей недолгой, но яркой жизни. Стон сквозь сжатые челюсти и хрипы из груди становились все тише и реже, пальцы скребли по каменистому полу пещеры, как будто их хозяин пытался удержаться на этом свете.

А с противоположной стены на скрюченные фигуры странников во времени смотрели их нарисованные двойники. На них не было ран, и Волчок хвастал гордой выправкой, и даже рыбина, гладкая, мускулистая, снисходительно косила круглым глазом на того, кто никогда уже не вытащит из реки подобный экземпляр. В их мире такую рыбу вылавливали из рек и озер прадеды три сотни лет назад.

Родничок под нависшей скалой не мешал ни тем, нарисованным, ни тем, кто уснул в надежде на чудо вернуться в современный мир и спасти товарища.

Сверху в продолговатое отверстие проглядывало усеянное мириадами звезд небо. С самого края примостился яркий серп луны, который освещал небольшое пространство

пещеры. В его свете лица парней были неестественно бледными, с черными провалами вокруг сомкнутых глаз и глубокими тенями на исхудавших щеках. Только шкура Волчка в лунном свете приобрела серебристый оттенок, а когда легкий сквознячок от входа шевелил шерсть, то казалось, что на каменистый пол брошена драгоценная соболья шуба.

Сквозняк заносил в пещеру запах леса, свежесть реки, вонь падали, оставленной медведем. Нос Волчка отзывался на все, и картины одна ярче другой появлялись под плотно закрытыми веками. Вот он гонит зайца, а сверху на него пикирует птица с острым и загнутым клювом, вот хозяин плещется в лесном озере и манит его, Волчка, чтобы тот разделил с ним удовольствие... Вот девушка с белыми волосами нежно гладит по морде... Ай, больно! Кто ткнул его в бок?

Волк чуть приподнял веки. Сквозь короткие черные ресницы рассмотрел в неярком свете месяца вход в пещеру, часть рисунка и... чьи-то ноги!

Только выдержка, присущая дикому зверю, помогла Волчку не дернуться, никак не показать своего пробуждения. Медленно-медленно он повернул морду чуть в сторону и все так же, не раскрывая полностью глаз, поглядел на того, кто так неожиданно и, главное, бесшумно появился в пещере.

Это был старик, если судить по длинным седым волосам и бороде, спускающейся ниже пояса. Его лоб стягивал блестящий металлический обруч золотистого цвета. Всю фигу-

ру скрывал темный плащ с широкими рукавами, по краю которых был виден замысловатый рисунок из того же металла, что и обруч, такой же рисунок украшал золотую застежку на круглом вороте. На незнакомце была просторная белая рубаха, на ногах – сапоги, но совсем не такие, какие носили дреговичи. Сапоги были с чуть загнутыми острыми носами, блестящими каблуками и стягивающими пряжками на голенищах.

Правая рука вошедшего держала мощный посох, оканчивающийся круглым шаром, светящимся изнутри молочно-голубоватым светом.

Старик замер посреди пещеры, с изумлением рассматривая лежащих у стены молодых людей и волка. Кустистые седые брови то сходились у переносья, то взлетали вверх на лоб. Он поводил головой из стороны в сторону, словно надеялся таким образом прогнать видение. Но видение не исчезало!

Тогда старик огляделся и на стене увидел свежие рисунки, сделанные острым камнем. Подойдя ближе, он дотронулся до рисунков рукой, провел по неровным шершавым линиям, словно хотел убедиться, что это есть на самом деле, а не привиделось. Он перевел взгляд на спящих, потом снова на рисунки. Признав в них двойников, покачал головой, как будто соглашаясь с тем, насколько похоже были изображены неизвестно откуда попавшие сюда уноты (юноши).

Неслышно подойдя к спящим, старик наклонился над ни-

ми, вслушиваясь в их сонное дыхание. Через минуту он наклонился ниже над Греком и сокрушенно покачал головой: жить тому оставалось несколько минут. Старик снова обернулся к противоположной стене, глянул на рисованную четверку. На стене уноты были живы и здоровы, каждый сосредоточенно смотрел перед собой, а в их позах были уверенность и достоинство.

Одним движением старик сбросил свой плащ наземь, поднял чуть выше посох и, глядя в звездное небо в расщелине скалы, начал бормотать непонятные слова.

Волхв! Это слово прозвучало в голове Волчка, хотя сам он никогда не встречал среди дреговичей подобного человека, зато не раз слышал о нем в селении. Это слово дреговичи произносили тихо и с дрожанием в голосе. Что оно означало, Волчок не знал, но сейчас был уверен, что перед ним именно волхв.

А тот, закончив разговор со звездами, подошел к Греку и направил на него шар со своего посоха. Вначале ничего не происходило, потом внутри шара побежали синие и фиолетовые змейки, из глубины стали выплывать малиновые звезды и зеленые сполохи. Казалось, шар растет на глазах, но это был оптический обман – это вокруг шара разрасталось яркое сияние, которое вдруг съежилось, образовав тонкий луч.

Старик довольно качнул головой и направил луч на Грека. Волчку со своего места не было видно, что там происходило, но его сердце готово было выскочить через прореху в шкуре

и покатиться вниз по склону. Послышался тягостный стон Грека, словно из него вытягивали душу или жилы наматывали на кулак. В этом стоне были и боль, и страх перед неизвестным, и детская жалоба, обращенная к потерянным родителям, и вера в чудо.

Наверное, чудо произошло, потому что дыхание Грека выравнилось, а запах смерти, шедший от него в последние часы, отступил, стал слабее и вскоре совсем исчез.

Старик, довольный результатом, повернул голову к месту, где растянулся Дизель. Что-то заинтересовало его, и он даже присел на корточки рядом с парнем, протянул руку к его груди. Дизель дернулся, как от удара, резко вдохнул и выдохнул, а потом с шумом повернулся на бок. Старик не отступил, он положил руку на левую лопатку парня, подержал с минуту или две, а потом резко сжал кисть в кулак, словно зажал в нем что-то или кого-то, ну хоть паука ядовитого. Так держа сжатым кулак, волхв двинулся к роднику и опустил руку в его каменную чашу. Родничок взбурлил, вспенился мелким песочком со дна, испуганно захлюпал, а потом бесильно опал и будто замер. Только мелкие частички медленно опускались на свое облюбованное за тысячи лет место.

Расправившись с неизвестным, что было зажато в кулаке, старик вернулся к спящим. Тут Волчок почувствовал, что именно он оказался в центре внимания волхва. Дикарский дух волчьей стаи требовал вскочить и броситься на незнакомца, порвать на части, но древний инстинкт самосохране-

ния его предков подсказывал затаиться, притвориться мертвым.

Но старика не проведешь. Слышно было, как он усмехнулся в бороду и протянул к волку посох. И снова заиграли разноцветные сполохи, снова образовался луч, который, как показалось животному, рассек его надвое огненным лезвием, заставил вскипеть в агонии кровь в жилах, до боли напрячь мышцы и челюсти. Что происходило с ним, Волчок не понимал, но почувствовал такой страх! Это не был страх смерти, это был ужас, рожденный в темных уголках подсознания, где нет разделения на жизнь и смерть, а только на срок и вечность. Часто глядя в звездное небо, волк содрогался сердцем, пытаясь мысленно проникнуть за эту сверкающую завесу, узнать что-то такое, перед чем его ничтожная волчья жизнь окажется не более, чем пылинка, поднятая копытами коров, идущих на выпас.

А старик тем временем еще раз внимательным взором исследовал лица и тела спящих, снова глянул на рисунки и задержался на них немного дольше, чем в первый раз. Он прикрыл ладонью глаза, и картины, одна ярче другой предстали перед его мысленным взором. Они рассказали незамысловатую историю последних дней жизни парней: поход через лес, сражение, пожар, трудности, страхи...

Он все сделал правильно, выдохнул волхв, этим смельчакам еще жить и жить, творить историю рода, мучиться и побеждать как внешних врагов, так и тех, что сидят внутри

каждого человека. Теперь им на все хватит времени! Уж он-то знает, ему ведомы границы яви и нави, их глубина и сила. Навь будет ждать долго! Куда им торопиться.

Сделав дело, старик встал на колени у родника. Набрал пригоршню ледяной воды, умылся, провел мокрыми руками по бороде и волосам, смочил шею и грудь. Потом прильнул губами к воде и долго пил, даже не морщась от сводящего челюсти колючего холода. Из глубокого кармана плаща достал небольшую плоскую корчажку и наполнил её, заткнув куском белого воска.

Его предки, тоже волхвы знали цену как живительной, так и смертельной силы этого родника. В иной день путник делает глоток и в течение нескольких дней распрощается со всеми болезнями. И главное, тут же забудет о том, кто дал ему второй шанс на здоровую жизнь. Но в другие дни к роднику лучше не подходить: каким бы богатырем человек ни был, испив воды, вскоре начинал чахнуть и через малое время умирал.

Волхв знал об особенностях родника и в особые дни навещался сюда, чтобы восстановить силу и здоровье, да с собой прихватить малую толику для нужд тех, кто обратится к нему за помощью. Не каждый заболевший получал из рук волхва исцеление. Вода действовала избирательно – кого-то излечивала, кого-то нет, хотя и не вредила.

Сегодня был такой день, а значит, вода в роднике обладала целебной силой.

Мысленно поблагодарив богов за дар, старик запрятал корчажку в карман, оперся о посох и встал. Еще раз оглядел пещеру, спящих парней, улыбнулся рисованным двойникам. Выпрямившись во весь свой немалый рост, он шагнул уже к выходу из пещеры, как вдруг замер, а потом резко обернулся к стене, на которой были рисунки. На его глазах стена пошла сначала мелкой, а потом крупной рябью, словно не из скальной породы была сделана, а из мягкого шелка.

Старик резко вскинул руки над собой, сложив их неправильным крестом. Посох взлетел вверх и застыл параллельно земле. Теперь не голубым или разноцветным был шарнаконечник, а огненно-черным. Изо всех сил волхв метнул посох в стену! Посох врезался в стену и погрузился в неё, как в мягкое тесто. Казалось, еще мгновение, и живая стена поглотит его как зыбучий песок! Но произошло обратное – стена стала твердеть, выталкивая из себя посох, который полетел прямо на старика. Тот едва успел перехватить его перед самым лицом, иначе не сносить ему голову: отскок был такой силы, что раскрошил бы не только человеческий череп, но и противоположную каменную стену, под которой досматривали свои чудные сны незнакомцы. Старик секунды удерживал посох в руках, а потом отбросил его от себя: тот был раскален, как пика в горне кузнеца.

Крупные капли пота покрыли лицо старика. Он шагнул к родничку, и на минуту опустил в ледяную воду обожженные ладони. Этой минуты Волчку хватило, чтобы ужом пополз-

ти до выхода из пещеры и стремглав нырнуть в ближайшие кусты шиповника.

Какое ему дело до колючек, которые нещадно впиваются в шкуру, когда он такого насмотрелся! Когда его, можно сказать, вывернули наизнанку, просветили насквозь, перебрали по косточкам! Лучше истечь кровью в глухом распадке, лучше столкнуться на одной тропе с аркудой, лучше захлебнуться в реке... Только подальше отсюда, от старика и шевелящейся каменной стены, которая бросается посохами!

Побег волка не остался незамеченным стариком, но тот лишь усмехнулся. Дикому зверю и в диком лесу хорошо, мать-природа его убережет. Он же, волхв Родрог, уберег сегодня четырех незнакомцев. Он не знает точно, но догадывается, что скрывается за живой стеной пещеры. Человеку туда заходить нельзя. А кто рискнул, не вернулся. Из нави, бывало, возвращались. А из-за стены ни один! Исчезли, как след на песке, как туман в лучах солнца, как волк в ночи...

Вот и месяц скрылся, и звезды гаснут одна за другой. Пора ему! Подхватив с земли посох и завернувшись плотнее в плащ, Родрог бесшумно нырнул в узкий проход из пещеры и исчез в слабом свете наступающего утра.

А Медвежья лощина жила своей жизнью. Ничего не изменилось: под сенью деревьев пробуждались звери и птицы, а те, кто охотился ночью, устраивались на ночлег. Старый дуб проскрипел на легком ветерке свою жалобу на возраст и расплодившихся под его корнями мышей. Капли утренней росы

собрались крохотными лужицами на его широких листьях, норовя соскользнуть от малейшего движения воздуха и разбиться на миллионы искр-брызг о камни на чуть заметной тропе. Старый еж, возвращаясь с ночной охоты, недовольно пыхтел: «Шумно стало в ложине, ходят тут всякие, беспокоят жителей, живущих здесь от сотворения мира. Вон опять кто-то тащится. Не заметил бы!»

Еж шустро засеменял по протоптанной его многочисленным потомством тропке и скрылся в незаметной случайному взгляду норе. И вовремя!

Лютые

Небольшой, в две сотни воинов отряд лютых, как их называли в других племенах, пробирался на запад, но, напорвшись на передовые части князя Всеволода, был вынужден свернуть с прямого пути и теперь шел по дремучему лесу, покрывавшему наваленные друг на друга огромные скалистые валуны. Слава про эти места шла нехорошая: то люди пропадали, то появлялись невиданные в этих местах звери, то волхвы перемешивали на небе звезды так, что и опытный следопыт не мог выйти на верную дорогу.

Дозорные уверяли, что видели одного такого волхва с посохом, который показался на секунду из-за ствола старого дуба и пропал, будто никогда его здесь и не было. Один из дозорных хотел по отметинам на земле определить, в какую сторону тот двинул, но не обнаружил и малейшего следа. Уж

не по воздуху волхва перемещается! Хотя от этих слуг Световита всего можно ожидать!

Ужон, главный в отряде лютых, выслушал сбивчивый рассказ дозорного и приказал обследовать местность вокруг. Поймать волхва и привлечь его себе на службу, вот о чем мечтал Ужон последний год, когда его отряд совершал набеги на племена, живущие на огромной территории, богатой дичью, рыбой, лесными дарами. И женщины у них сильные, здоровые, в бою не уступают мужчинам. Усилить бы отряд десятком таких воительниц, и можно было рассчитывать на более высокое место в армии лютых.

Но женщины сражались так, что либо падали замертво, либо, разбив нежданных гостей на голову, забирали коней и оружие, оставляя раненых самим о себе заботиться или умирать от потери крови.

Со стороны наваленных друг на друга обломков скал слышался стрекот сороки. Но сороки так высоко не залетают – это условный знак одного из прелогатая (разведчика), отслеживающего волхва. Взмахом бровей Ужон послал наверх четырех воинов. Неужели удача улыбнулась ему на этот раз? Застать врасплох волхва, пока тот не применил своей необычной силы и не превратил его людей в каменные изваяния, похожие на те, что стоят тут и там на пригорках и полянах, это ли не удача?

Томительно текли минута за минутой, а воины не возвращались. Рано радовался: волхва не застать врасплох, и,

наверное, его храбрецы уж превратились в камень. Нельзя больше медлить...

Сверху послышались окрики и удары плети. Из-за деревьев показался один из лазутчиков и, коротко поклонившись старшему, начал быстро говорить, то и дело указывая рукой в сторону скал. Ужон вытянул шею, ожидая появления...

По осыпающейся тропе двигалась небольшая группа: впереди два воина с мечами наготове, дальше со связанными сзади руками четверо парней без оружия, в одних рубаках и штанах, босые. Рядом с ними шли еще двое лютых, а процессию завершал тот самый преллагатай, который и видел волхва.

Ужон оглядел незнакомцев: одежда в пятнах крови и грязи, взъерошенные, отросшие до плеч волосы, растерянное выражение лиц. На вид крепкие, худые, жилистые, ну, может быть, кроме одного – выше других на целую голову, парень отличался мощным торсом, толстыми руками и ногами. Наверное, богатырь, только молодой еще. Такие богатыри нужны в войске лютых.

Еще одно лицо привлекло внимание Ужона. Смуглое до черноты, с крепко сжатыми челюстями и прищуренными черными глазами. Рубаха на груди у парня заскорузла от крови, на плечах и левой скуле заметные шрамы. Видать не раз бывал в бою.

Двое оставшихся тоже вызывали интерес. Один – невиданной в здешних местах рыжей шевелюрой, другой – беспокойством. Он, не скрываясь, шарил взглядом по ближним

кустам, оглядывался назад и кого-то звал.

Пора было уходить отсюда – солнце показалось из-за деревьев. Если их обнаружат на открытом месте, а они не успеют перебраться на другой берег реки, то рискуют нарваться на превосходящие силы противника, ведомые страшными в своей безжалостности и гневе воительницами.

Ужон качнулся в седле, понуждая коня, вытянул руку с кривой саблей.

– Халга-а-а-а-й!

Седоки тут же вскочили в седла и, обходя коварную каменную осыпь, двинулись на юго-запад. Веревку, что скрутила пленников, один из прелэгатаев привязал к своему седлу, и беднягам пришлось бежать друг за дружкой, рискуя каждую секунду споткнуться и упасть, тем самым свалить остальных. Связанные сзади руки сковывали движения и нещадно натирали кожу. Пленным было не до разговоров – успевай только ноги переставлять да уворачиваться от хлестких ударов ветвей. Несмотря на то, что за два года жизни среди дреговичей парни привыкли частенько обходиться без обуви, но сейчас острые камни впивались в ступни, резали, и на камнях оставались пятна крови.

– Волчок, Волчок, – сбиваясь с дыхания, звал Клим своего друга.

Он не знал, куда подевался волк, что с ним стало. Засыпал с другом в обнимку, а утром, когда их разбудили злые крики чужаков, волка и след простыл. Как он мог куда-то подевать-

ся с распоротым боком и сломанной челюстью?

– Волчок, Волчок, где ты?

Слезы наворачивались от страха за друга и злости на себя, на ребят: проспали! Расслабились, не почувствовали опасности! Вот и попали в плен как малолетки! Видели бы их сейчас дреговичи.

Наконец, каменная осыпь кончилась, дорога пошла резко вниз, значит, скоро выйдут к реке. Куда дальше?

– Грек, эй, Грек, – задыхаясь от бега, позвал друга Клим. – Слышишь?

Спина Грека маячила впереди. Не отвечая на зов, парень качнул головой.

– Ты как?

Опять без ответа, только голова друга качнулась более энергично.

Удивлению Клим не было предела: вчера они с Дизелем втащили Грека в пещеру чуть живого. Даже дыхания не было слышно. Кровь то и дело выступала на губах. Клим еще с вечера подумал, что конец Греку, не переживет еще одну ночь. А тут гляди, бежит, и дыхалка работает, дай бог каждому! Чудеса!

А в это время и Грек решал задачу со всеми неизвестными. Во-первых, как они снова оказались в пещере? Он не помнит, как они сюда добирались. И где их оружие? Где одежда воинов? И где, в самом деле, Волчок? Он же ни на шаг не отходил от Клим?

Зато все хорошо помнил Ярик, начиная с момента, как они с Дизелем, отчаявшись, искали Грека среди раненых и убитых, как везли его сюда, в Медвежью лощину, и умоляли всех богов сразу помочь умирающему. Помнил, как он начал рисовать на скале, изображая себя и друзей, как они напились из родника и улеглись спать в надежде, что портал откроется, и они попадут в свое время, где есть больницы и врачи.

Видать, они сразу уснули, да так крепко, что не услышали шагов чужаков и попали к ним в плен тепленькими.

Ярик на бегу оглянулся: Грек бежал наравне с ними, и как будто не было тех трех суток, когда он находился между жизнью и смертью. Вон и рана уже не кровит, и бледность с лица пропала. Наоборот, густой румянец окрасил худые скулы друга. Что произошло? Может, в роднике течет живая вода? Но такая только в сказках бывает. А они не в сказке. В сказке так больно не бывает, и людей на веревке как скотину не тянут. Бли-и-и-и-ин! Все пальцы сбил. На подошвах живого места нет! Когда это мучение закончится!

Впереди, дыша как паровоз, бежал Дизель. Ярик видел перед собой его стянутые крепко-накрепко набрякшие синевой руки, крупные капли пота скатывались с волос, и рубаха от пота прилипла к лопаткам. Дизель недолго выдержит такого темпа – сердце! Что тогда будет?

– Дизель, Дизель, – прохрипел Ярик. – Ты нормально себя чувствуешь?

Дизель попытался обернуться и ответить, но у него плохо получилось. Но Ярик все-таки расслышал: «Жарко».

Еще бы! Такой кросс по пересеченной местности да еще босиком и со связанными за спиной руками тянет на олимпийский рекорд. Когда же они остановятся! Еще пять минут, и он упадет.

Вдруг в лицо пахнуло свежестью – впереди река. Они вышли к броду, через который пробирались, таща на себе Грека и Волчка. Сейчас им предстоит обратная переправа.

Захватившие их в плен воины спешили, взяли коней под уздцы и, осторожно ступая меж крупных камней, побрели на противоположный берег. Последними в воду ступили пленники. Вода приятно охладила израненные ноги, но попадающиеся острые камни еще сильнее раздирали несчастные ступни.

Первые седоки уже выходили на берег, снимали сапоги и отжимали воду, а друзья только-только преодолели середину реки. Дальше путь шел вдоль реки, а можно идти через лес. Ужон принял решение идти вдоль реки, на запад. В полдень они доберутся до трех холмов, а там свернут на юг и затеряются среди многочисленных лесков, оврагов, каменных гряд, идущих с востока на запад, и непроходимых плавней вдоль небольших рек. Если им повезет, то на пути будут мирные селения, где можно пожить добром и взять пленников. Нынче пленники в цене, а уж девушек авраты покупают, не торгуясь.

Только бы не встретиться с этими страшными женщинами с мечами у пояса, колчаном и луком за спиной и тяжеленными палицами, притороченными к седлам. И никакая кольчуга не спасет от удара их метких сулиц.

Время от времени прелатагаи вырывались далеко вперед и в стороны, чтобы разведать обстановку. Докладывали, что опасности нет. Если так дело пойдет, то к ночи отряд сделает привал. Пусть кони отдохнут, да и воинам подкрепиться надо. Сушеное мясо на исходе, а хочется свежатинки.

Хорошо бы сохатого завалить, размечтался Ужон, горячего молока попить, вытянуть ноги и уснуть, не опасаясь внезапного нападения. Может, так и получится.

Отряд продвигался вдоль реки. Час проходил за часом, и неизвестно, когда закончится ровная рысь коней и мучения пленников. У тех уже не осталось сил. Разбитые в кровь ноги, изрезанные крепкой веревкой запястья. Глаза застилал пот, смешиваясь со слезами боли и отчаяния, глотки пересохли, и казалось, что в телах не осталось ни капли жидкости.

За все время только раз конники останавливались – их главный собирал совет. Они о чем-то жарко спорили, показывали нагайками то в одну, то в другую сторону, кидали шапки наземь, плевали друг другу под ноги, не соглашаясь с тем, что предлагал вожак. Измученные пленники рухнули без сил на землю, вытянув сведенные судорогой ноги и с трудом восстанавливая сбитое дыхание.

Не придя к общему решению, чужаки уселись кружком, не расседывая коней. Ужон взглянул на пленников. Не нужно быть особо прозорливым, чтобы понять: сил у тех не осталось. Еще час такого бега, и они упадут. И не встанут. У богатыря бледность охватила лоб, нос и рот – первый признак потери сил. У смуглого грудь резко поднимается и опадает, дышит со всхлипами. Рыжий – молодец, но ноги слабоваты. Вон как корчится от судороги. А этот странный, что все оглядывается, будто потерял что, за бок держится. Эта боль Ужону знакома, она может прихватить до кровавой рвоты.

Жаль будет, если пленники помрут в дороге, нужно что-то придумать. Он крикнул одному из воинов, отдал приказ, кивнув на парней. Воин недовольно сморщился, но перечить не стал. Через несколько минут он привел двух лошадей без седел. Лошадки не первой молодости, видать, позаимствованные у пахарей. На шее каждой короткая веревочная узда.

Чужак подвел лошадей, показал парням знаком, чтобы садились попарно. Веревка мешала. Тогда он разрезал веревку, а потом связал пленников так, что Дизель оказался в одной связке с Яриком, а Клим – с Греком. Поняв, что от них требуется, парни кое-как вскарабкались на лошадей.

– Халга-а-а-а-й! – послышалось с головы отряда. Конники вскочили на коней, а один из них ловко хлестнул мирных лошадок. Те споро побежали вслед за другими. Двое воинов были замыкающими и следили, чтобы пленники не свернули в сторону.

Но парням было не до того. Оставшиеся силы они тратили на то, чтобы не свалиться с тряских спин лошадей. Хребты животных нещадно впивались в мягкие места, ногам не во что было упереться, да еще следовало внимательно смотреть, чтобы нижние ветки деревьев не хлестнули по лицу.

Сколько продолжалось это мучение, парни не ведали, но часов шесть – не меньше. Когда солнце упало в кроны деревьев, отряд остановился меж двух холмов. Место было узкое, едва пара всадников разъехалась бы, зато никто врасплох не застанет. Поставив дозорных в начале и конце ложбины, Ужон разрешил развести костер и стреножить лошадей. Каждый знал свое дело, и вскоре на огне зашипели куски дичи – разведчики не только за обстановкой следили, но и между делом настреляли всякой живности.

Пленников привязали к стволу росшей тут же березы спиной друг к другу. Руки их по-прежнему были связаны, и когда один из чужаков принес им воды в мешке из шкуры козленка, то задумался, а как они напьются. Он крикнул что-то Ужону, тот ответил. Тогда воин стал подходить к каждому из пленников и наклонять мешок с водой. Вода текла по лицам, попадала в рот и нос. Парни фыркали, давились, а чужак смеялся над их неловкостью.

Потом о них забыли. Лютые сидели у костра, разрывали руками куски мяса, с шумом грызли кости, довольно вытирая испачканные пальцы об одежду.

– Пожрать бы, – подал голос Дизель. – Полтора дня ничего

не ели.

– Подожди, может, дадут чего-нибудь, – откликнулся Ярик. – Не звери же они, и нас тащат за собой не для того, чтобы с голоду уморить.

– Ага, жди, – вздохнул Клим. – Вспомни еще о женевской конвенции 49 года по военнопленным.

– Чего-о-о-о?

– Того!

Они помолчали, обдумывая свое незавидное положение. До них доносился сытный запах жареного на углях мяса, и молодые желудки сводило голодной судорогой. Но голод можно было пережить, а вот неизвестность с трудом.

– Как же так? – снова заговорил Ярик. – Неужели портал не открылся? Значит, мы снова в этом времени. А вдруг провалились еще глубже в века? Может такое быть?

– Не может, – ответил Клим. – Когда нас тащили из пещеры, я между камнями видел окровавленную тряпку, которой перевязывал челюсть Волчку.

– А куда, кстати, Волчок подевался? – спросил Дизель. – Когда нас эти, – он кивнул в сторону врагов, – пинками поднимали, я его не видел в пещере. Может, спрятался в углу?

– Волчок не стал бы прятаться, – зло ответил Клим, – он бы защищал нас. Боюсь другого...

– Чего?

– Нет больше Волчка. Вдруг он вышел из пещеры, ну, там по своим делам, а эти его убили. Увидели волка и убили.

Голос Кима сорвался на плач.

– Погоди расстраиваться... – начал Ярик.

– А я думаю, – вздохнул печально Дизель, – ушел наш Волчок помирать.

– Как это?

– Да, так, как все звери уходят. У нас кошка Манька была, лет тринадцать с нами жила, – Дизель опять вздохнул. – Старая стала, слепая. Со двора никуда не уходила. Все на солнышке грелась. А однажды кинулись – нет Маньки. Стали искать.

– Нашли?

– Нашли. В зарослях терновника, в самом дальнем углу сада. Бабуля тогда сказала, что Манька специально ушла умирать, чтобы нас не расстраивать.

– Ты думаешь, Волчок... – Клим не скрывал слез. Если бы не враги, он бы, не стесняясь, зарыдал в голос – так ему было жаль Волчка. – Друг, Волчок, как же так? Вроде и раны у тебя стали заживать, сам в гору поднимался...

Друзья сочувственно помолчали.

– Слушайте, пацаны, – понизил голос до шепота Ярик, – если Волчок от ран умер, то почему тогда ты, Грек, здоров как раньше? Не думай, я страшно рад этому, но удивительно: мы тебя полумертвого в пещеру втащили, ты уже и дышал через раз. Честно признаюсь, не думал, что ты с таким ранением до утра доживешь. А утром ты бежишь вместе с нами, словно ничего не было.

– Сам ничего не понимаю, – после паузы ответил Грек. – Последнее, что помню, схватился я с одним из торкаев. Здоровый такой, высокий. Он меня с Велены стащить норовил. Сулица у него длиннее наших будет. Я боялся, что он Велену ранит, да, видать, ему она нужна была, он её берег. А потом вроде кто-то сзади меня толкнул и всё... Еще помню, а может, привиделось, как надо мной нож или меч сверкнул. Всё. Как здесь очутился, убейте, не помню. Без сознания был, да?

– Ага. Мы с Дизелем тебя на поле нашли, Милалика пыталась тебя спасти. А Ярун, ну, лекарь Матери Белые Волосы, однозначно сказал, что ты не жилец. У нас был один выход – возвращаться в пещеру, чтобы попытаться в свое время перекинуться, чтобы тебя врачи спасли.

– И вы все время меня несли? – голос Грека дрогнул.

– Велену запрягли, на телегу тебя и Волчка уложили, – его тоже сильно ранили. Мать Белые Волосы дала нам провожатого. Мальчонка такой шустрый, Ополком звать.

– А он где?

– Мы его за рекой оставили. Зачем ему в пещеру? Сказали, два дня жди, если не появимся, уходи.

– Пацаны, я про Ополка забыл, – Клим заворочался на своём месте, пытаясь ослабить веревки на стянутых руках. – Два дня не прошло. Значит, Ополк еще ждет нас.

– Теперь не дождется.

– А не могли его эти заметить?

– Не думаю, – уверенно сказал Ярик. – Мы после брода

резко вправо взяли, вдоль берега пошли, а Ополк оставался рядом со старым бродом, по которому мы тогда, в первый раз, переходили. Вражины не могли его заметить, да и мальчонка не так глуп, чтобы сидеть на березке и ждать, когда его заметят.

– Это хорошо, – протянул Дизель, – а то из-за нас и он бы пострадал.

В стане врагов все успокаивалось, их главный выставил дозорных, остальные, наевшись, укладывались спать на траве. До пленников долетал грубый храп.

Ужон осмотрел место стоянки, обошел дозорных, подошел к пленникам. Те посмотрели на него с ненавистью, но его это мало взволновало. Он крикнул своему приближенному, тот притащил бурдюк с водой. Ужон распорядился напоить пленников и пошел дальше. Не развязывая пленников, чужой тыкал им в рот конец бурдюка, из которого тонкой струйкой лилась теплая и отдающая болотом вода. Но парни не отказались и от неё – в глотках пересохло. А когда их снова напоят, неизвестно. Давясь и захлебываясь, ребята утолили жгучую жажду, а чужак, вылив остаток воды на голову Дизеля, который сидел перед ним, с довольным хохотом пошagal к затухающему костру.

– Козел, – крикнул вслед ему Дизель.

Он был не против такого душа, но уж очень обидно стало.

– Не кипятись, Дизель, – предостерег его Грек. – Криком не поможешь, а злить их сейчас не резон. Надо думать, как

бежать от них.

– А как тут сбежишь связанный?

– Может, попробовать веревки перетереть о ствол дерева?

– Я уже пробовал, пустое дело, – вздохнул Ярик. – Кисти опухли так, что веревки врезались. Шаркнешь раз по дереву, кожа сдирается.

– Да, попали мы.

Снова помолчали и снова вернулись к разговору о чудесном выздоровлении Грека.

– Слышишь, а рана у тебя болит?

– Где?

– Ну, там прямо над ключицей?

Грек завозился, пытаюсь сдвинуть рубаху с места ранения.

– Шрам какой-то, затянулся. Чешется только, сил нет.

– Чешется, значит, подживает. Мне бабуля так говорила, – сказал Дизель. – А дышать тебе не больно?

– Нет, нормально. Правда, когда нас погнали бегом, у меня словно ком в груди образовался. Я все пытался выплюнуть. А потом полегчало.

– Блин, вот чудеса, – проговорил Ярик. – Может, сама пещера волшебная?

– Тогда почему она Волчка не вылечила?

– А может, и вылечила, и он сбежал к своим!

– Думай, что говоришь, – огрызнулся Клим. – Волчок – друг, для него свои это мы. Понял?

– Да, понял я, – Ярику не хотелось расстраивать друга, но

действительно, куда подевался волк?

А потом ему в голову пришла еще одна мысль.

– Эй, Дизель! А как ты себя чувствуешь?

– В смысле? Нормально. Только ноги сводит в икрах, и ступни кровят.

– Ну, ступни у нас у всех кровят, – не унимался Ярик. – Ты мне скажи, когда бежал, сердце у тебя не прихватывало?

Дизель молчал. Он только сейчас осознал, что всегдашняя боль за грудиной куда-то ушла. В горле саднит, пить и есть хочется, ноги от непривычного бега нещадно болят, а слабости и боли под левой лопаткой нет.

– Ты хочешь сказать...

– Именно, – ответил Ярик. – Ты хоть и скрывал от нас, но мы видели, как ты бледнел от нагрузок или долгой ходьбы, как часто прижимал ладонь к сердцу. Скажешь, нет? Пацаны, вы же тоже замечали?

– Угу.

– Когда ты быстро идешь, у тебя на лбу, вокруг носа и рта белое-пребелое пятно разливается, а губы синеют. Ты сердечник, признайся?

– А чего признаваться. Все правильно. У меня даже освобождение от физры было. Отец говорил про какой-то клапан. Надо мной смеялись даже, мол, здоровяк, а как девчонка. Я ведь тогда, чтобы доказать, что я пацан, с ребятами на станцию пошел на дизелях кататься. Ну, знаете о чем я...

– Знаем, знаем, – осуждающе произнес Клим. – Это тогда

один из ваших под поезд попал?

– Ага. Воробей, то есть Тимка Воробьев. Он самый смелый из нас был. Никакой скорости не боялся. А на верхотуре задыхаться начал, ну и вниз. Еще бы немного, и я вместе с ним... Это точно...

– Да-а-а-а, и не было бы у нас друга Дизеля, – улыбнулся в темноту Грек. – Хорошо, что ума хватило больше не рисковать. Так значит, ты сердечник?

– Говорю же!

– А когда у дреговичей жили, часто сердце болело?

– Часто, особенно в кузне. Как подниму тяжелое, так хоть ложись – такая слабость. Думал, накачаю мышцы, легче станет. Когда в пещеру тебя, Грек, мы тащили, я только об одном думал – не упасть. Сердце из глотки наружу выдавливалось. А сейчас я его вообще не чувствую. Что за дела?

Помолчали. Каждый решал про себя задачку со всеми неизвестными. Почему Грек внезапно выздоровел? Почему Дизель больше не задыхается и бежит с ними наравне? Куда пропал волк? И что их ждет завтра?

Сквозь разрывы в кронах деревьев сверху на них глядел узкий серп месяца, освещая малое пространство вокруг себя и не беспокоя темноту внизу, на земле. Звезды перемигивались между собой, а особо шаловливые вдруг срывались с небосклона и летели в неизвестность, уже в полете поняв, что назад никогда не вернуться.

Подергивались черной золой догорающие угли в костре,

возле которого вповалку, прижимая к себе оружие, спали воины Ужона. Сам вожак, прислонившись спиной к мощному стволу дерева, дремал и видел во сне широкую степь, табун резвых кобылиц, детей, бегущих навстречу, и полное блюдо жирных, дымящихся белым парком кусков мяса. Даже во сне он чувствовал его запах, непроизвольно причмокивал и сглатывал слюну.

Но даже сквозь такой приятный сон он слышал звуки леса, крики ночных птиц, сонное бормотанье своих воинов и тихое позвякивание уздечек на шеях стреноженных коней. Командир должен спать вполглаза, вполуха. От этого зависит и его жизнь, и жизнь его воинов.

Неудачным был поход для отряда Ужона в составе войска Великого Айды, который пообещал всем богатую добычу, сотни пленников, молодых дев на продажу, коней и другую домашнюю животину, чтобы порадовать свои семьи. А на деле князь Будимир, двоюродный брат Всеволода, устроил засаду у пяти холмов, заманил в западню, оканчивающуюся непроходимым болотом. Воины князя навалились, казалось, со всех сторон сразу, успевай только поворачиваться и отмахиваться саблями. Хорошо он, Ужон, сообразил, что надо отойти за один из холмов и, скрываясь в зарослях глубокого оврага, не сворачивать на юг, а напротив, двинуться севернее пяти холмов. Воины князя не ожидали такой хитрости и пока расправлялись с теми, кто пробивался на юг, потеряли из виду небольшой отряд Ужона. Петляя по лесам

и обходя болотистые места, отряд оказался в глухомани, где часто попадались каменные люди, равнодушно глядящие на белый свет каменными зрачками. Ужон от своего отца знал, что это происки волхвов, которые обращают в камни неугодных. Но те же волхвы могли камень превратить в золотой слиток, могли одним движением затянуть кровавую рану и своим дыханием оживить умирающего.

– Если удастся заставить такого волхва служить, никто тебе не будет страшен, и станешь ты великим воином, и все соседи подчинятся тебе, – наказывал перед походом отец. – А золота у тебя будет столько...

Очень хотелось Ужону найти и привести отцу волхва. Когда один из дозорных увидел среди камней на вершине горы фигуру в темном плаще, Ужон был уверен, что напал на нужный след. Он двинул отряд в гору, а самых лучших воинов послал выследить волхва. Они заметили, как тот скрылся среди валунов, и Ужон понял, что там есть пещера, хотя входа в неё и не разглядишь со стороны. Теперь оставалось главное – сказать заклятие, чтобы на какое-то время лишить волхва его силы. И можно будет брать его!

Спешившись, Ужон достал из-за пазухи старинный свиток с написанными кровью словами. Отец говорил, что читать слова надо задом наперед. Только так можно подчинить волю волхва. Отойдя в сторону от своих воинов, Ужон с трудом прочитал слова в обратную сторону, чуть не сломав язык. Потом спрятал свиток и послал воинов захватить волхва. А

те привели ему четырех босяков, грязных, лохматых, испуганно озирающихся, словно не узнающих, где они находятся. Волхва нигде не было. И даже следов его не смогли рассмотреть. Не дался им в этот раз волшебник. И свиток не помог. Эх, что скажет отец, когда узнает, что он, Ужон, упустил такую возможность!

Но теперь они движутся вслед за солнцем, а у Славунь-реки свернут на юг и помчатся быстрее ветра к дому. Но без добычи им возвращаться стыдно, поэтому четверка пленников это только начало. Будет у них и скот, и кони, и красивые женщины, и разное добро.

Только одно беспокоило вожака: в этих местах есть женщины-воительницы, которые страшнее самого свирепого воина. Одним ударом они рассекают человека надвое, их стрелы пробивают любую кольчугу, а удар кулака может перебить хребет лошади. Ужону было любопытно увидеть воительниц и в то же время страшновато. Но он дал себе слово, что если удастся ему взять в плен такую, то он её не выставит на продажу, а заставит воевать в своем войске. А если несколько таких воительниц? Равных ему никого не будет!

Сладкие грезы усыпили Ужона, и впервые за весь поход он уснул безмятежно, видя себя во сне с добычей, со славой и с красоткой в седле позади себя.

Спи, Ужон, спи, убаюкивал лес. Спи, Ужон, спи, журчал под корнями деревьев родничок. Спи, Ужон, спи, шептало ему в ухо неизвестно откуда взявшееся на полянке дунове-

ние ветерка. Спи, Ужон, спи, все будет так, как ты хочешь. Может быть.

Грек тоже задремал, когда чья-то ладонь закрыла ему рот. Он дернулся, но невидимый в ночи человек прошептал:

– Аз высечи ны (я тебя освобожу).

Грек вывернул шею, но никого не увидел, только почувствовал, как что-то холодное просунулось под веревку, стянувшую руки. Ура, руки свободны! Да только они его не слушались – кровь застыла, пальцы и кисти опухли до неузнаваемости. Он попытался восстановить кровообращение, потирая руки об себя. Больно!

– Эй, – тихонько позвал он неизвестного освободителя. – Ты где, ты кто?

В ответ тишина, а потом сопение – так сопит только здоровяк Дизель.

– Ополк! – сдавленно прохрипел парень. – Пацаны!

– Тихо ты, – послышался шепот Клим. – Разбудишь лю-
тых.

Когда веревки были срезаны у всех четверых, они, не поднимаясь с колен, поползли в сторону кустов, за которыми маячило лицо Ополка. Два года назад они бы наделали шума и были тут же пойманы, но за время жизни у дреговичей научились ходить как заядлые охотники, потому и дозорный, мимо которого они пробрались в трех шагах, ничего не услышал – видимо, задремал.

– Борзо! – шептал Ополк, ныряя в гущу леса. – До брезги

гонзнути треба, аже голка нев (до рассвета спастись нужно, пока шум не поднялся). Нямо дебрь вем (недалеко ущелье), тамо коло и Велена маю (там повозка и Велена). Грясти елико! (Бежим как можно скорее).

Парней не нужно было подгонять. Вот только руки не хотели их слушаться, висели плетями. А скоро и вообще заныли, словно по ним каток проехал. В ночи слышалось тихое «ох, ах, ё-моё, терпенья нет».

Но что такое боль в руках, когда они на свободе! Ну, Ополк, ну, молодец! Не бросил их!

Часа два пробирались они в гуще леса, и ни разу Ополк не засомневался, в правильном ли направлении они движутся. И темнота была ему не помеха, и многочисленные препятствия, которые приходилось обходить то справа, то слева, а то и зигзагом. Он без труда возвращался на ту прямую, которая связывала их с местом, где были спрятаны телега и Велена.

Если бы у парней не были истерзаны подошвы ног, они бы двигались быстрее, но ноги нещадно драло, и каждая неровность, каждый сухой сучок причиняла сильную боль. Им оставалось терпеть и надеяться, что скоро они придут на место.

– Сейчас залавок (уступ в русле реки) буде, оттай ристате (скрытно перейдем), после увоз (подъем) и на мясти буде (и на месте будем).

Когда ночь разбавилась молоком близкого рассвета, бег-

лецы достигли русла реки и пошли по воде до того места, где у берега росли огромные ветлы. Ополк скинул с себя рубашку, оставшись в одной приволоке, и кинул в реку. Течение подхватило рубашку и потащило по течению, но на изгибе прибило к берегу и оставило качаться на воде между камышинами. Потом он по-обезьяньи вскарабкался на одну из раскидистых ив, поднялся до середины и ... пропал в переплетении веток. Через несколько мгновений послышался тихий свист. Ребята последовали за ним, стараясь определить, в какую сторону повернул мальчонка. А он ждал их на огромном суку уже соседнего дерева. Как ему это удалось?

Ополк указал на ветку. Ярик первым сообразил: схватился крепко за ветку, оттолкнулся ногами от ствола и как на тарзанке полетел к Ополку. Тот схватил смельчака за штаны и потянул к себе. Ярик отпустил ветку, и та со свистом отлетела к родной иве. Следующим был Клим, за ним последовал Грек. А вот на Дизеле дело застопорилось. Парень испугался, что ветка не выдержит его веса, и он рухнет с высоты.

Ополк недолго думал. Спустился на несколько веток ниже, нашел похожую ветку и махом перелетел на иву, в гуще которой прятался Дизель. Добравшись до него, мальчик показал, как нужно держаться за ветку, чтобы руки не соскользнули. Успокоив занервничавшего парня, что ветка выдержит, Ополк толкнул Дизеля в спину. Тот, вскрикнув, полетел вниз, но рук не отпустил и врезался прямо в ребят, которые страховали его с другой стороны.

– Блин, зачем все это, – прохныкал Дизель. – Я не обезьяна!

– Успокойся, Ополк все правильно делает, – пресёк жалобы Грек. – Если лютые пойдут по нашему следу, то им и в голову не придет, что мы ушли верхом. Будут искать следы вдоль берега. Не бойся, мы тебя подстрахуем.

Но Дизелю до коликов в животе было страшно. И только мысль снова попасть в плен гнала его с ветки на ветку вслед за друзьями.

Сколько они так перелезали с ивы на иву, известно было только мальчику, а он старался увести друзей как можно дальше. Если им удастся обдурить чужаков, то они спасутся.

Подошли к небольшому озерцу. Отдых. Друзья зашли в воду, чтобы остудить натруженные, в кровавых ранах ступни. Ополк пошел вдоль берега, высматривая что-то в прозрачной воде. Увидел какую-то траву, стал рвать вместе с корнями. Потом хорошенько прополоскал, разделил на несколько частей.

– Заяти желдь (держите траву), увере плюсны (залечит ступни), язвене кый лиховане (сильно поранены). Елико бысть и грясть (делайте быстро и двигаем).

Парни промыли раны озерной водой, обмотали ступни травой, сверху закрепили полосами ткани, оторванными от рубах. Потом напились вволю, умылись, полежали, вытянувшись во весь рост, чтобы мышцы расслабились.

– Ополк, долго нам еще? – Дизель попробовал походить в

самодельных опорках. – Этого надолго не хватит.

– Елико ристать борзо семо и овамо (если двигаться быстро туда и сюда) та днесь (сегодня).

– Успокоил, называется, – пробурчал Дизель. – Ладно, двигаем дальше. Быстрее придем, быстрее на телеге поедем.

С охами и ахами поднялись, поковыляли за Ополком. Тот хоть босой был, как они, а нисколько не страдал, бежал как по гладкому полу. Вот что значит закалка с детства. Ребята тоже не были неженками, но длинный путь по осыпи из острых камней оказался для ступней жестоким испытанием.

Солнце стояло в зените, когда парни сделали еще один привал. Голодный спазм сжимал голодные желудки, слабость подкашивала. Надо было хоть что-нибудь поесть.

Их проводник понял, что дело плохо и, не говоря ни слова, юркнул в чашу.

– Эх, мне бы лук сейчас, – вздохнул сокрушенно Клим. – Живности здесь не меряно, а голыми руками её не взять. Чувствую себя как тогда...

Друзья поняли, что он имел в виду. Да, два года назад они в лесу с голоду бы пропали, если бы не вышли к дреговицам. Сегодняшнее их положение было похоже: без оружия они опять были беспомощны.

А вот Ополку и оружия не нужно было. Через полчаса принес три десятка грибов, нанизанных на гибкую хворостину. Деловито вколотил три колышка в землю, навесил на них хворостину с грибами, набрал сухой лесной подстилки,

достал из потайного кармана приволоки два кварцевых камушка, побил один об другой. Искры полетели в стороны и на растопку. Миг – и показался крохотный огонек, который жадно набросился на сухие веточки, прошлогоднюю истлевшую траву и коричневатый рассыпающийся от прикосновения мох.

– Ну, ты даешь! – восхитился Ярик, наблюдая за неспешными движениями их проводника. – Дай, посмотрю.

Он протянул руку, и Ополк вложил ему камни. Они были молочно-белые, с хрустальными вкраплениями и тонкой сеточкой темных прожилок.

– Кварц, что ли? – предположил Ярик. – Надо попробовать.

Он шаркнул камень об камень, искры полетели.

– Зажигалка, пацаны! И заправлять не надо, и не промокнет никогда. Надо такие же найти и иметь при себе.

Ополк улыбнулся, а когда Ярик протянул камни назад, отвел руку.

– Нямо имам (бери себе).

– Вот спасибо!

Вскоре грибы испеклись. Вроде много их было на хворостине, а исчезли в голодных ртах за мгновение. Только сажа на лицах осталась.

Теперь можно было продолжить путь, но усталость взяла свое, и беглецы растянулись под деревьями, не замечая жесткости постели и назойливых насекомых. Ополк же вернулся

по их следам немного назад, взобрался на дерево и внимательно оглядел окрестности. Вроде тихо, погони нет. Хотя лютые – хитрецы, могли не всем отрядом двинуться в погоню, а послать опытных прелагатаев. Мальчик еще огляделся – лес молчал, значит, никто не нарушал его покоя. Сверху было видно, как кружит над добычей коршун, как стайка мелких птиц облюбовала раскидистую яблоню с мелкими плодами и, перепархивая с ветки на ветку, расклеывает самые спелые.

Можно и ему чуток отдохнуть, силы на исходе. Мальчик прикрыл глаза, и тут же перед мысленным взором встала картина прошедших дней. Вот Мать Белые Волосы посылает его провожатым к пришлым, вот он показывает друзьям дорогу к Синему лесу, как и они, беспокоится, довезут ли раненого дружинника. Горько ему было, когда они не позволили ему подняться с ними до вершины горы. Вначале он хотел остаться тут же на берегу, а потом решил отвести Велену в чащу, устроить на крохотной поляне, которую приглядел, когда охотился. Полянка хитро была устроена: с трех сторон её скрывал густой подлесок, а с четвертой наваленные друг на друга камни. Видать когда-то давно камни скатились с горы и остались так обрастать мхом, все глубже погружаясь в мягкую почву.

Ночь он провел в телеге, а как проухал филин конец ночи, пробрался вновь к реке, затаился в кустах. И вовремя! Под чьими-то ногами камни зашуршали. Вначале подумал, что

это его знакомцы, а разглядел чужака. Да не одного – человек восемь их было. А что чужаки, так сразу видать: одеты не так, как дреговичи или взять других росичей, оружие по чужому образцу сделано, чпаги (мешки) из шкур за спинами, да и шли они сторожко, будто следили за кем. Может, охотились? Нет, шиши (разбойники) это!

Шли чужаки прямо к вершине, туда, куда ушли его знакомцы. Уж не их ли выслеживали?

Узнать это он сможет, если подождет. Ополк застыл в кустах. Ждать пришлось недолго. Послышалось конское ржание, потом голоса, один грубый голос перекрывал остальные. За деревьями ничего не разглядеть, а через некоторое время чужаки двинулись на запад, и только шорох камней выдавал, с какой скоростью они удалялись от пещеры.

Подождав какое-то время, Ополк перешел вброд реку и поспешил наверх. Он шел, хотя сердце колотилось от страха. Вспомнил Ополк, как его дед предупреждал никогда не подниматься на эту гору. Рассказывал старый, как однажды повстречал в этих местах колдуна, который чуть не превратил его в аркуду (медведя). Дед в тот раз сумел убежать, а через несколько дней видел у реки аркуду, который кричал от боли и страха человеческим голосом. Уверен был дед, что это человек, превращенный колдуном в дикого зверя.

Больше ни разу не ходил сюда дед, да и сыну своему – отцу Ополка, наказал обходить здешние места стороной. А вот Ополк послушался деда и идет, может быть, на верную

гибель.

Добравшись до вершины, мальчик разглядел следы и по ним пошел вслед за чужаками. Но он не знал, схватили чужаки его друзей или те смогли спастись. Недолго думая, Ополк побежал, что есть сил, наперерез, чтобы возле распадка подкараулить чужаков.

И ему удалось это! Не успел он как следует спрятаться, показались передовые дозорные. Они внимательно осматривались по сторонам, пытаясь обнаружить малейшее движение. Ополк насчитал почти три десятка конников, еще шесть лошадей привязанных к седлам, а позади связанных своих знакомцев. Даже издали мальчик видел, насколько испуганы его друзья, с трудом понимают, что произошло. Они были в рубахах и штанах, босые и без оружия. Приволоки, сапоги, оружие сейчас находилось в повозке. Они тогда сказали Ополку, что к ведуну с оружием не ходят. Были бы с оружием, их так легко не взяли бы, а так – легкая добыча для любого. Теперь они пленники, и никто не сможет им помочь.

А вот он, Ополк, поможет им. Недаром Мать Белые Волосы наказала ему охранять её гостей, которые показали себя храбрецами. Ополк обещал Матери и слово свое сдержит.

Дождавшись, когда небольшой отряд пройдет реку вброд и двинется вверх против течения, мальчик камнем слетел с горы и помчался на полянку, где оставил Велену.

Пешком он не сможет догнать конников, а вот если окольным путем добраться до того места, где Славунь-река делает

петлю и бежит на юг, можно обогнать их на полдня. Именно туда направляются лютые, как их зовут в этих местах. Правда, они совершают набеги большими отрядами, сотни в три четыре, а этих всего ничего. Может, прелатаи? Разведывают короткую дорогу к центру княжества? А может, это остаток войска, и пробираются лютые тайными тропами, чтобы не попасть в руки росичей?

Как тут узнать? Вначале нужно вызволить друзей.

Находя проходы в гуще леса, Ополк погнал Велену сначала вслед за чужаками, а потом обогнав их. Утром третьего дня он понял, что чужаки остались позади. Теперь нужно спрятать Велену так, чтобы никто ее не обнаружил, и уже пешком пробираться своим на выручку.

Ополк правильно рассчитал место встречи, дождался, когда в стане лютых подкрепятся и улягутся спать, и пополз к дереву, к которому были привязаны друзья. А потом они бежали без остановки несколько часов. Всем было тяжело, и ему тоже, но останавливаться, значит, снова попасть в плен.

Отсюда, где они сейчас расположились на отдых, до места, где он оставил Велену, совсем немного осталось. Вот только за неё душа его болит. Велена – клюся (лошадка) умная, не покинет места, где он её оставил, но в лесу дикого зверья полно. Правда, летом зверье редко нападает на домашнюю животину, поэтому есть надежда, что клюся не пострадает.

Пора будить парней. До темноты им нужно добраться до оврага, где сейчас скрывается Велена.

...Парни поднимались с трудом. Израненные ноги нещадно болели, голод сводил желудки железной хваткой.

Сообща решили: они сделают круг, чтобы пройти мимо еще одного озера, что спряталось в глуши. Там снова нарвать целебной травы и заново перевязать ступни, а может, удастся поймать рыбы и поесть.

Добирались больше часа. И хотя в лесу все было спокойно, но беспокойство все сильнее охватывало душу Ополка. Когда беспокойство охватило его до тряски в груди, он резко свернул в сторону и повел друзей не прямо к озеру, а к незаметной протоке, соединяющей озеро с большой рекой. Когда он догонял лютых, он приметил это место, глухое, непролазное.

Надо пересидеть там, думал мальчик. Потеряем, конечно, время, зато лютые не сугнути ны (не догонят нас).

Почему ему думалось о лютых, он бы и сам не ответил, если бы его спросили. Так, мысль шальная придет-уйдет, а след спокойный оставит. Сначала, когда они бежали из плена, Ополку ничего странного не показалось, наоборот, он себя посчитал ловкачом. А потом призадумался: не такие простакки лютые, чтобы так легко добычу упустить. Возможно, все его уловки даже с прыжками по деревьям впустую были. Не-е-ет, дед учил сто раз оглянуться, три круга вокруг одного места сделать, три раза на дерево влезть, и уж если ничего сомнительного не заметишь, продолжай путь. А он, по правде, два из трех кругов сделал, два раза на дерево влез, да и

оглядываться ему особенно некогда было. А раз так, не надо торопиться. Они гонзнати (спаслись бегством), елико во-роги сугнути ных (пока враги не настигли) сделать околавок (отступить), семо и овамо отай зрице, доглядай егда жизни лиховане (скрытно туда-сюда посмотреть, пока жизни не лишился).

Друзья не поняли, что свернули с прямой дороги, и теперь шли не к самому озеру, а взяли чуть левее. Когда в темноте они вышли к непролазной протоке и по молчаливой команде Ополка забрались в самую гущу колючего кустарника, переплетающегося с высокой и режущей, как бритва, травой, то засомневались в разумности действий своего проводника. Но заметив на его лице гримасу страха, повиновались. Мальчик тоже лез с ними до самой воды. Там он срезал несколько камышин, роздал их парням и показал, что следует делать. А следовало зажать один конец камышины в зубах, обхватить её плотно губами, а нос зажать пальцами и таким образом опуститься в воду. Дно протоки было илистым, заросшим камышом, сабельником и еще какой-то травой, которая норовила опутать ноги. Дизель хотел возмутиться, но Ополк быстро закрыл ему ладонью рот и приложил палец к губам.

– Голка мае? (шум слышите), – еле различили они слова Ополка. – Возе елико борзо (садитесь быстрее). Елико долже (как можно дольше).

Парни повиновались, хотя ничего опасного не слышали. Но Ополку можно было верить, если сказал, что опасность

близка, значит, так оно и есть.

За день вода в протоке прогрелась до самого дна, поэтому умереть от холода им не грозило. Но держать лицо вверх и дышать через камышину, тут нужен был навык. Но если не хочешь снова в плен, будь добр, терпи.

Сам же Ополк вылез из чащобы и огляделся в сгущающихся сумерках. Ничего подходящего. Хотя... есть! Как вратарь за мячом в угол ворот мальчик прыгнул в сторону и накрыл своим худеньким телом выбежавшего не вовремя лесного зверька. Это была речная крыса. Сытая после охоты и привыкшая к тишине родных мест, она не ожидала, что сама станет добычей. Мальчишка в секунду оторвал крысе голову, побрызгал кровью вокруг лаза, через который прошли друзья, вывернул тушку наизнанку и нисколько не брезгуя начал обмазывать себя кровью и внутренностями несчастного зверька. Особенно тщательно он обмазал ноги, руки и все открытые места, пошаркал истерзанной тушкой по волосам и лицу. Теперь хорошо.

Потом Ополк прыжками добрался до дерева, которое приметил еще раньше. Среди других это дерево отличалось тем, что имело почти голый ствол. Не было ни одной лишней ветки, ни густой листвы, чтобы на нем спрятаться. Но именно такое дерево Ополку и нужно было, чтобы обмануть врагов.

Остановился. Глянул на то, что осталось от крысы, и вонзил в неё зубы. Он рвал мясо, но не откусывал и не глотал. Сплюнув под ноги и утерев окровавленный рот, мальчик

бросил тушку к подножию дерева, а потом сам по-обезьяньи забрался на самую вершину, приник к стволу, слился с ним и приготовился ждать. Главное, чтобы друзья не обнаружили себя.

Тягостно проходила минута за минутой. Лес жил своей жизнью. На протоке, в теплой воде, резвилась мелкая рыбешка, жабы исполняли свои ночные серенады, изредка лесная птица пролетала по-над берегом, высматривая добычу. Вот и месяц показался из-за вершин вековых деревьев. Осветил божий мир, разогнал нечистых духов и, собрав вокруг себя крупные и мелкие звезды, продолжил рассказывать историю сотворения мира. Он помнит всё. Было бы кому слушать. А звезды притихли, перестали легкомысленно переглядываться, проявив уважение к старику. Они еще успеют повеселиться перед самой утренней зарей, а некоторые самые смелые как с ледяной горы помчатся вниз с небосклона. Ух, и весело!

Ухнул филин и замолк на полупhrазе, жаба, только что взявшая высокую ноту, поперхнулась и всем своим раздутым телом плюхнулась в воду. Вот ветка орешины качнулась против дуновения ночного ветерка. Ополк напряженно вглядывался в тени под деревом, на котором схоронился.

Прелagатай! Еще один! Идут по следу. Мальчику стало понятно, что враги их выследили! Они шли по их следам, и никакие его уловки не помогли. Посмотрим, что сейчас будет.

А прелagатаи остановились, закрутились на месте. Слыш-

но было, как они втягивали носами запахи. Один из преследователей опустился на колени и как собака начал вынюхивать следы. Но в нос бил запах свежей крови крысы. На коленях прелагатай добрался до дерева и обнаружил истерзанную тушку зверька. В неверном свете месяца он пытался разглядеть следы зубов, но тщетно. Отбросив тушку, лазутчик поднял голову к вершине дерева. Голый ствол. По такому взобраться мудрено. Да и спрятаться средь бедной листвы негде.

Лазутчики сошлись у голого дерева, о чем-то посоветовались и повернули в ту же сторону, откуда пришли.

Вновь наступила тишина. Слышнее стали шорохи листвы, треск веточек, по которым прыгали невидимые зверушки, завела свою песню жаба, её поддержали и другие жительницы протоки.

Но Ополк сидел на дереве как приклеенный. Куда торопиться? Им теперь до утра отсюда не двинуться. Так лучше уж оставаться на своих местах, чем шараться по ночным дебрям.

Ноги и руки Ополка дрожали от напряжения. Надо бы поменять положение, а то и свалиться можно. Но этого делать нельзя, потому что можно попасть прямо в руки лютых.

А-а-а-а, вот и они! Прежние прелагатаи, уже не таясь, вышли на открытое место. Видимо, они сделали вид, что ушли, а сами отсиживались в кустах. Но никакого движения, никаких посторонних звуков. Значит, они где-то ошиблись, взя-

ли не тот след! Ужон их побьет!

Ну что за народ эти росичи! Зайдут в лес и словно растворяются. А может, и вправду, как говорят их мудрецы, росичи могут оборачиваться в волков и медведей, в кабанов и лосей. Только были людьми, а вот уже бегают семья кабанов. Не-е-е-т, надо выбираться из этих диких мест, пока целы. А добыча... ну что ж, бывает, и уходит добыча.

Сплюнув в досаде под ноги, лютые скорым шагом двинулись на запад, и только месяц с усмешкой смотрел им в след. Глупые, глупые! Даже у него, старика, глаза лучше видят: вон весь камыш качается в одну сторону, а четыре камышины стоят на месте. А на этом дереве в одном месте кора чуть светлее, а лишайник так высоко не забирается. Веселая игра прятки! Он, месяц, тоже иногда разыскивает звезды среди туч или ночных облаков. Редко, когда не находит, значит, не найдет никогда – сорвалась в бездну. А из той бездны ни одна еще звездочка не вернулась.

Загрустил месяц, побледнел – заря торопит: уходи, мой черед!

Не чуя рук и ног, сполз с дерева Ополк, побрел к протоке. Кровь зверушки запеклась, стягивала кожу, хотелось быстрее смыть её с себя. Но вначале узнать, живы ли друзья. Они молодцы, не подвели: ни звука, ни шороха. Уж на что прелатагаи лютых опытные следопыты, а не прознали, что совсем рядом с ними прятались сбежавшие пленники.

Мальчик ступил в воду, схватился за камышину. Тут же

из воды показалась рыжая голова Ярика. Почувствовав движение, остальные тоже покинули свое убежище. На друзей больно было смотреть: бледные до синевы лица, тела трясутся от холода и усталости, ноги судорогой свело. Молча выбрались на сухое место, свалились в изнеможении. А Ополк, напротив, залез в воду как был в одежде и пучком травы начал стирать себя запекшиеся пятна крови.

Ему тоже было не сладко, но не показывать же слабинку перед друзьями! Выйдя из воды, он жестом показал, что нужно отжать одежду и разложить просушиться. Кое-как стянув с себя рубахи и штаны, ребята обхватили себя за плечи, стараясь согреться. Быстрее бы солнце выглянуло, все теплее.

С трудом разогнув окоченевшие ноги, Грек встал в стойку. Тренер учил его: как бы плохо тебе ни было, заставь работать мышцы. Поэтому он сделал выпад ногой, потом расправил плечи, сделал «мельницу» руками, согнулся-разогнулся... Тело оживало, тепло потекло к самым кончикам пальцев рук и ног, позвоночник стал слушаться, и шея уже поворачивалась вправо-влево без болезненного стога.

Его пример оказался заразительным – и остальные встали, начали двигать руками, ногами. Они приседали, выбрасывали вверх и в стороны ноги, прыгали на месте, колотили руками воздух, шлепали друг друга по мокрым лопаткам, плечам, груди. Потом были кувырки, отжимание и подтягивание на нижних ветках деревьев.

Ополку такое было в новинку, но и он старался не от-

стать от друзей и старательно двигал всеми частями тела, чувствуя, как кровь приливает к лицу, как жарко становится щекам, как приобретают привычную гибкость поясница и шея.

– Хорош, други! – скомандовал запыхавшийся Грек. – Вроде полегчало. Ну, Ополк, давай рассказывай, зачем все это нужно было.

Ополку скрывать было нечего. Он поднялся с места, повел друзей к едва заметным на росной траве следам лютых, потом показал истерзанную крысу, капли крови вокруг и голый ствол дерева, на котором он прятался.

– Ну, ты, брат, хитрец! – восхитился Дизель. – Я бы так ни в жизнь... Зубами крысу загрызть. А зачем?

– Преллагатаев с женуця зяяти (со следа сбить). Смерда бых нове (запах сменить). Ух, усмяг аз зело (устал я очень).

Они все устали, но двигаться надо было. Наступило утро следующего дня. Ополк все сильнее беспокоился о Велене. Греславу он ничего не говорил, но по лицу видел, что тот тоже переживает. Да и как не переживать, если Велена, считай, ему жизнь спасла – на поле боя не сбросила, в кусты непроходимые не зашла.

Натянув чуть просохшую одежду, маленький отряд двинулся против солнца, к увалу, за которым, по словам Ополка, он спрятал клюсю.

О больных ногах никто не вспоминал. Сидение в воде в течение нескольких часов сделал их бесчувственными. То-

ропясь след в след за Ополком, каждый из них вспоминал жуткие моменты сидения под водой, страх захлебнуться или движением выдать свое присутствие. Какие еще испытания выпадут им, пока они выбираются?

А куда, собственно, они идут, подумал Грек. Если к пещере, то они зашли далеко на юг, отсюда и до стана Матери Белые Волосы далеко, а до дреговичей и того дальше. Что задумал Ополк?

Но спрашивать было некогда. Грек следил за дыханием и время от времени прикладывал руку к ключице, под которой хорошо прощупывался шрам. После воды мышцы вокруг шрама ныли и налились кровью. Как бы воспаления не было. Пацаны рассказали, как тащили его к пещере, как он почти не подавал признаков жизни из-за опасного ранения. Как же так случилось, что рана затянулась в одну ночь, и теперь он наравне с другими может бежать?

Почти о том же думал Дизель, время от времени прикладывая руку к левой стороне груди. Просто чудеса! Сердце работает, как мотор. А ведь он сердечник, у него официальный диагноз в медкарточке – пролапс митрального клапана. А сейчас у него ноги болят, в горле пересохло, глаза потом щиплет, а сердце хоть бы хны! Пульс, конечно, будь здоров, но это и понятно – такой кросс по пересеченной местности! И тем не менее...

До увала, по прикидкам Ополка, оставалось совсем немного. Сейчас они пройдут вдоль речки, потом вверх по

оврагу до кучи сваленных, грозой деревьев, а там и увал. За ним та самая ложбинка, где он спрятал Велену и повозку с оружием и походной одеждой друзей.

И тут сквозь тяжелое дыхание, мальчик различил звук, который его очень встревожил – крик, похожий на стон, или стон, похожий на крик. В нем ужас и предчувствие смерти, зов о помощи и решимость бойца.

– Чу! – Ополк замер, повел головой из стороны в сторону, приложив палец к губам. – Чув, лютии быв (слышу, волки рядом). Ристайте!

Он сорвался с места и полетел – откуда только силы взялись! Парни ринулись за ним, заразившись его тревогой. Наверняка, что-то случилось с Веленой!

Когда они добрались до вершины увала и глянули вниз, то в страхе замерли: бедняжка Велена крутилась на небольшом пятачке, прижимаясь задом к повозке, а с трех сторон к ней приближались волки. Со своего места Ополк разглядел, что это старая опытная волчица вывела свой подросший выводок на показательную охоту. Всего он насчитал четырех молодых волков. Пригнув морды к земле и зажав хвосты между ног, волчата оглядывались на мать, которая поощряла их взглядом. Волчица понимала, что кобыле некуда деться – единственный проход она закрыла собой. Если кобыла и кинется в её сторону, то она, известная в лесу своей хитростью и жестокостью волчица, вцепится ей в горло, перегрызет главную жилу и напоит щенков свежей горячей кровью.

Так думала волчица, уверенная в своей силе и своем праве. Кто может помешать ей здесь, в этой глуши, далеко от человеческого жилья? А если найдется такой смельчак, то он сильно пожалеет об этом. Её сила и опыт многих битв сделали её почти неуязвимой.

Оголив клыки и поощрительно рыкнув, волчица стала подбираться к мечущейся в страхе Велене. Бедное животное напрягло все мышцы, вскидывая передние ноги и оскаливая покрытую пеной пасть. Она видела: волчица тянет, ждет, чтобы молодые волки проявили себя, накинулись скопом на добычу, а если у них ничего не выйдет или лошадь даст отпор, то уж тут она покажет себя.

Шажок, еще шажок, еще... Удачный сегодня день – добыча как по заказу, и гнать никого не надо. Меткий прыжок и...

И тут откуда-то сбоку серая тень волка метнулась к Велене, но не вцепилась в неё, как ожидали парни, замершие в ступоре, а развернулась и в ярком свете солнца, чьи лучи добрались и сюда, блеснули великолепные клыки. Пригнувшись к земле и растопырив дрожащие от напряжения лапы, волк угрожающе рыкнул в сторону волчицы: не подходи! Та от такой наглости присела на тощий зад. А потом вскочила и ринулась на соперника, который решил забрать у неё добычу. Сорвавшись с места, волк в два прыжка оказался напротив волчицы и движением мощной груди сбил ту наземь. Волчица с визгом перевернулась через голову, шмякнулась на пузо и, ничего не видя от застилавшей глаза пелены нена-

висти, снова прыгнула на пришельца. Это её лес, это её добыча!! Но волк не стал ждать лобовой атаки. Извернувшись, он цапнул соперницу за бок и отшвырнул её в сторону, как старый мешок.

Не ожидавшие такого поворота молодые волки судорожно взвизгивали, глядя, как сражается мать, приседали и нерешительно топтались на месте. Добыча казалась такой легкой, такой аппетитной на вид, и как не хочется им делить её с чужаком. Может, помочь матери? Но она их этому не учила, значит, надо выждать. А чужак совсем разошелся – того и гляди порвет мать на части. Не-е-е-ет, надо отсидеться в кустах...

– Пацаны-ы-ы-ы! Это же Волчок! – заорал Клим, первым приходя в себя. – Волчок! Друг! Держись!

Клим кубарем свалился с увала и оказался почти под копытами Велены, которая хрипела и вспарывала копытами землю под собой. Тут и другие с криками и улюлюканьем кинулись на помощь Волчку. Обезумевшая от боли, унижения и криков, неизвестно откуда взявшихся людей, волчица ринулась в кусты, не замечая, как колючие ветки рвут в клочья шкуру. В последний момент она пролаяла коротко волчатам, и помчалась вниз по склону, подальше от места, где чуть было сама не стала добычей. Судя по шороху справа и слева, волчата мчались за матерью. Они остались голодными, но были довольны, что унесли ноги.

А на маленьком пяточке кружились в радостном хорово-

де пятеро парней, лошадь и волк. Все неприятности, боль и страхи исчезли в момент, когда Клим с размаху бросился к Волчку и чуть не задушил того в объятиях. Он трепал его за уши и чмокал в пасть, и Волчок хотел уже предостерегающе рыкнуть – он все-таки волк, а не домашняя шавка, но не выдержал и сорвался на радостный щенячий скулеж. Задние лапы сами по себе подогнулись, а передние вскинулись на плечи друга. Клим прижался щекой к жесткой шкуре волка, чтобы друзья не заметили его слёз, а волк деликатно отворачивался, а потом незаметно слизнул соленую влагу с пахнущего дымом лица друга и судорожно вздохнул – волки не умеют плакать от радости или горя. Только смерть может выдавить из их желтоватых глаз слезинку. Но часто и этого не бывает, потому что волк погибает в битве, и порой даже не замечает перехода из жизни в вечную жизнь, где тебе уже никогда не придется охотиться или биться за свою территорию.

А Грек всю пытался успокоить Велену, которая дико вскидывалась, косилась испуганно на кусты, где скрылся выводок волчат, и никак не могла признать своего хозяина – Греслава. Грязный, без воинских доспехов и оружия, он мало походил на воина, который так смело кинулся в самую гущу торкаев, и кого она вынесла на себе из боя и старалась удержать его в седле.

– Друже! – Ополк стоял у повозки, держа в руках узду. – Пора. Радуvasti голомя, заяти грядсти (радоваться будем по-

том, пора идти).

– И то верно, – поддержал Дизель. – Чур, я на повозке, ноги, ужас, как ноют.

– Не у тебя одного, – подал голос Ярик, устало присевший на торчащий из-под земли камень. – Ополк, где наша одежда?

Мальчик нырнул в кусты и достал узел. Здесь было все, что сняли с себя друзья, пробираясь к пещере. В том числе и оружие. Клим схватил лук.

– Ну, теперь нам голод не страшен! Сегодня у нас будет славный ужин.

– Смотри, как бы тебя самого не съели, – усмехнулся Дизель. – Думаешь, волки далеко ушли? Наверное, отсиживаются где-нибудь рядом в кустах.

– Ха-ха, Дизель, думаешь, я за несколько дней перестал быть охотником? Да и Волчок теперь при мне, так, друг? – он потрепал волка за уши. – Волков я не боюсь, пусть они меня боятся!

– Герой, – пробурчал себе под нос Дизель. – Вот обещал ужин, так сделай, а то у меня живот к спине от голода прилип. Кишка кишке кукиш кажет!

– Будет тебе ужин, только решайте, в какую сторону двигаться.

Собрались кружком. Ополк с помощью камешков, сосновых шишек и веточек обрисовал местность. Вот здесь, далеко на востоке, селение Матери Белые Волосы, севернее и чуть в сторону – Синий лес, за которым Медвежья лощина

и пещера, куда они несли на себе Греслава. Отсюда вслед за солнцем лютые гнали пленных до Славунь-реки. Вот здесь они вырвались из плена, сделали крюк, вышли южнее и пошли дальше, замечая следы. Сейчас они в дне перехода до реки Межени. Один её приток Нема, другой Кужма. По словам Ополка, дед его бывал в этих местах и рассказывал, как дойти до озера Лежного, а там через Соть-волок повернуть против солнца и добираться до дреговичей. Только путь будет не прост, встречи нечаянны. Только он, Ополк, сам в этих местах никогда не бывал, говорит со слов деда. Может, что-то и напутал. Во всяком случае идти надо на юго-восток.

– Пацаны, нам решать, куда идти, – заговорил Грек. – Вспомните, мы хотели остаться у дреговичей, чтобы помочь им в войне против торкаев. Я так понимаю, что к пещере вы пошли, чтобы меня спасти, так?

– Угу, – за всех ответил Дизель. – Выхода не было. Ярун и Милалика однозначно сказали, что ты не выживешь, рана-то смертельная. Сами не знаем, как дотащили тебя полуживого до пещеры...

– Ага, улеглись спать в надежде, что портал откроется, а он не открылся, – проговорил Ярик. – Но ты жив и здоров, Дизель тоже на сердце не жалуется. Клим, а как Волчок?

Волчок развалился у ног друга, положив лобастую голову тому на колени. Клим провел рукой по боку зверя, нащупал рваную, но уже хорошо затянувшуюся рану. Нажал на грудную клетку, где были сломаны ребра – волк не отреагировал,

значит, боли нет. Тогда Клим просунул руку в пасть волку и оголил челюсть. С левой стороны два клыка выбиты, но раны не кровоточат, пасть хорошо раскрывается, словно и не была сломана. Парень провел пальцем по дыркам вместо клыков.

– Волчок, а ведь и ты здоров, если не считать дырок в челюсти. Не скажешь, как тебе удалось из полудохлого волка снова стать здоровым Волчком?

А волк вспомнил, как трусливо бежал из пещеры от страшного старика с посохом. Бросить друзей его заставила неведомая сила, которая сильнее самой жизни и опаснее смерти. Он тогда бежал и бежал, пока не оказался в незнакомой глухомани, на чужой территории. Хотя и был он волком от рождения, но жизнь рядом с человеком и служба ему заставили сторониться дикой жизни. Он тогда вернулся по своему же следу до самой пещеры, но друзей там уже не застал. Зато почуял запах чужаков. Много часов он бежал по кровавому следу, оставленному его друзьями, а потом следы исчезли. Плутая по лесу, он обнаружил еще один знакомый запах и пошел по нему. Запах рисовал в его голове картину боя, конские копыта, тяжелый меч и острую пику, распоровшую ему бок и сломавшую ребра.

Он пошел по этому следу, иногда теряя его, потом снова находя. Наконец, добрался до этого места, а внизу увидел клюсю. Но рядом с клюсей никого не было видно. Волк улегся в кустах и стал ждать. И дождался!

– Здесь хорошее место для отдыха, – оглянулся Грек. –

Сделаем привал, подкрепимся и окончательно решим, куда двинем. Пусть каждый выскажет свое мнение. Клим, бери лук, идите с Яриком в лес. Дизель, за тобой костер. Ополк, здесь есть поблизости ручей?

– Тама, – мотнул головой мальчик. – Я принесу.

– Я сам, – сказал Грек. – Тебе отдохнуть надо. И не возражай! Ты же ни одной ночи не спал. Ложись, а то я рассержусь, – сдвинул брови парень.

Мальчику ничего не оставалось, как послушаться. В самом деле, он устал и мог проспять три дня и три ночи. От лютых они ушли, с Веленой всё в поряд...

Додумать мысль он не успел, рухнул головой и плечами вперед в повозку, оставив ноги висеть до земли. Грек усмехнулся, подхватил ноги мальчишки и осторожно перекинул в повозку. Потом укрыл приволокой (меховой курткой) и положил под голову капю (шапку). Пусть поспит, а как будет обед готов, они его разбудят.

Молодец, парнишка, не бросил их, вызволил из плена. Настоящий воин и друг. Надо его в команду брать. Теперь их шестеро: Дизель, Ярик, Клим, он, Грек, Ополк и Волчок. А Велену он забыл! Она теперь тоже член их команды, на деле доказав и свою храбрость, и свою преданность.

А если они единая команда, то и решение должно быть принято единое – быть вместе! Остаться здесь, забыть о пещере, тем более не получилось у них в этот раз с порталом. А вдруг никогда больше не получится? К тому же пещера,

оказывается, место опасное. В этот раз им удалось, благодаря Ополку, спастись от врагов, а что будет в другой раз?

Вот только никак не выходила из головы Грека мысль о чудесном его собственном излечении, излечении Дизеля и даже Волчка. Клим говорил, что торкай распорол волку брюхо, сломал ребра и серьезно повредит челюсть. Он все причитал, что волк с такими ранами без него не выживет в дикой природе. Кто помог им? Не тот же ведун, которого они придумали для дреговичей и Ополка? Так кто же?

Вернулись Клим с Волчком, принесли добычу.

– Гляньте, – похвастал Клим, – это тетерев-косач, а этот красавец – фазан. Еще в одном месте видел птицу, она вообще редкость в наше время, разве на Дальнем Востоке можно найти, дикуша называется. В Красную книгу занесена. Может, и не она, но уж очень похожа. Эй, Волчок, неси свою долю!

Волк выбрался из кустов, таща в зубах серого гуся.

– Хорош, правда? – поднял с земли добычу Клим. – Волчок сам поймал и сам всю дорогу тащил. Вот скажи, друг, хотелось тебе попробовать гусятины, а? – Клим ласково потрепал волка. – Молодец! Просто настоящая охотничья собака!

Глаза Волчка вильнули в сторону: нужен ему это несчастный гусь, если он столько дней питался отборной дичью, пару раз накрыл целый выводок серых куропаток, а уж рябчиков и болотных куликов и не пересчитать. Пусть хозяин с

друзьями все ест, а то вон до чего дошли – тощее весенних зайцев стали.

Стоя на коленях у костерка, Дизель ловко отрубал головы и лапки птице, потрошил и срывал кожу вместе с перьями одним движением. Если бы раньше кто сказал, что он так мастерски будет разделывать только что подстреленную дичь, ни за что бы ни поверил. Вспомнилось вдруг, как полдня рыдал над умирающим цыпленком, которого мальчишки переехали на велосипеде. Желтый комочек с окровавленным клювиком лежал в его ладонях, а маленький черный глазок умоляюще заглядывал, казалось, в самую душу, прося прервать страдания. Дизель плакал, прижимая цыпленка к себе, просил у него прощения и грозился «уши оборвать» тому, кто не заметил малыша на дороге.

Видя, как убивается внук, дед забрал несчастного цыпленка и унес на задний двор, где с тяжким вздохом и мысленно прося прощения, опустил бедняжку в ведро с водой. Тот трепыхнулся под ладонью раз-другой и затих. Дед отнес маленький трупик в сад и закопал под сиренью. А Дизель и на следующий день, и еще несколько дней спустя все вспоминал желтый комочек и жалел, что не волшебник, не смог оживить птенчика.

Сейчас он по-другому относился к живности. Конечно, не стал бы отрывать голову маленькому зверьку или птичке – не изверг же он, а вот к охотничьей добыче относился как к продукту из магазина. Ведь покупали с бабулей раньше на

рынке и домашних кур, и кроликов, потрошили и в духовку ставили. Вот и сейчас мысль была только о том, как бы дожидаться, а не накинуться на недожаренного рябчика или гуся.

Сытный дымок полз по маленькой полянке, заставляя болезненно сжиматься пустые желудки.

К тому времени Грек сводил к ручью Велену, напоил, искупал, протер шкуру пучком травы, внимательно осмотрел копыта – не сорвалась ли подкова. Потом залез в воду, промыл, как смог, отросшие волосы, поскреб ногтями щетину на щеках. Надо же, бриться пора! И не только ему, но и Дизелю, и Климу. Только Ярик, самый молодой из них, мог похвастать гладким лицом с чуть заметным пушком над верхней губой.

Да, два года быстро пролетели! Им с Климом уже по 17, Дизелю – 18 лет, там в их времени могли уже повестку из военкомата прислать – призыв. Ярику – 16, нет, 16 с половиной. По здешним меркам совсем взрослые. Так оно и есть. Разве для детей то, что они испытали? Знали бы их родители или братья Ярика, в каких переделках они побывали и еще побывают! А с другой стороны, и хорошо, что не знают. Расстроились бы, испугались. Интересно, продолжают их искать или уже смирились? Как узнать? А еще лучше – передать весточку, что с ними все в порядке. Фантастика. Как фантастика и то, каким образом он пережил смертельное ранение, после которого только шрам и остался. Вот загадка, так за-

гадка.

Парни собрались у костра, ждали, когда проснется Ополк. Жаль было будить мальчишку. Сколько дней и ночей он был на ногах, отводил от них опасность, каким предусмотрительным оказался! Не потерял ни Велену с повозкой и их вещами. Настоящий пацан!

– Пойду разбужу, – предложил Ярик и направился к повозке. – Есть хочется, да и Ополк не будет против – тоже голодный. Крысу он не съел, только разорвал на части.

– Фу, дурак, зачем о таком напомнил, – брезгливо сморщился Дизель. – Я как вспомню, как он её зубами... да себя кровью мазал... бр-р-р! Гадость какая!

– Молодец парнишка! – похвалил Клим. – Всё правильно сделал, сбил со следа лютых, а они не новички, настоящие следопыты. Кстати, а как их занесло в нашу пещеру? Мы не могли оставить следов, да и если не знать, где вход, ни за что не найдешь.

– Я тоже об этом все время думаю, – проговорил Грек. – В этом деле многое непонятно. Первое, кто нас вылечил? Не поверю, что Дизель попил из родника и распрощался с сердечной болезнью. А я так и вовсе не пил из родника, сами же говорили. Только лекарство, что Милалика дала. А Волчок? И почему он сбежал? Испугался лютых? Но мог бы нас разбудить, предупредить. Не верю, что он нюх и слух потерял.

– Это точно! Волчок не мог прозевать чужаков, значит, его уже не было в пещере, когда нас там застукали, – загово-

рил Клим, поглаживая волка. – Пусть он был ранен, ослаб, но точно бы зарычал, а я бы услышал. Я вообще чутко сплю.

– Чутко, а ничего не слышал, пока нас пинками не подняли, – Дизель дотронулся до бока, куда вонзился носок сапога лютого.

– Одним словом, колдовское место! – заключил Ярик.

– А може, ведун та мае бых (может там колдун был)? – послышался голос с повозки.

Встрепанная голова Ополка свесилась и разглядывала компанию у костра.

– Каже, к ведуну ристаете (сами говорили, что к колдуну идете), – напомнил он.

– Так-то оно так, – протянул смущенно Дизель, – да только не встретили мы там ведуна. Наверное, ошиблись местом.

– Не, маю ведун бых (думаю, колдун был), лютии мнозе рекли бо ведун имахом (лютые говорили, что видели колдуна).

– Это точно?

– Чув.

– Так может, и был колдун там, в пещере, пока мы спали, и это его рук дело... ну вылечил, значит, – путался в словах Дизель. – А лютые увидали его, погнались за ним. Он ушел, а мы тут готовенькие. Как вам моя версия?

– Имеет место быть, – согласился Клим. – Хотя точно никогда не узнаем, что было на самом деле. Но не это главное. Главное – все живы-здоровы, и возвращаемся к дреговичам.

Так?

– Выходит, так, – за всех ответил Грек. – Сейчас наша задача добраться до дреговичей, увидеть Милалику. А там по ходу дела решим. Общая Мать обещала отправить меня в дружину к князю Всеволоду. И я не против историю делать.

– А мы? – возмутился Дизель. – Ты, значит, историю будешь делать, а мы с Яриком тебя раненого на полях битв искать и таскать на себе к пещере каждый раз, как тебя ранят! Ну, уж нет! Давайте держаться все вместе!

– Да, ладно тебе, не кипятись, Дизель! Чего заранее гадать. Сначала надо вернуться, а уж потом думать, что дальше делать.

– Верно, Клим, – поддержал друга Ярик. – Хотя и сейчас уже ясно, что наши пути-дороги скоро разойдутся. Как ни обидно признавать, но я не воин, и ты, Дизель, тоже. Из Клима что охотник, что лучник будет отменный. Вы можете пойти в дружину, а нам с Саней надо свое дело искать.

– Саня, – хмыкнул Дизель, – даже как-то странно слышать свое имя. Меня Саней только дед с бабулей звали. Сестры те Сашкой больше, а родители, когда сердились, Александром. Знаете, не хочу я больше быть Дизелем, глупое прозвище, данное за глупый поступок. Давайте меня теперь по имени звать. Хотите, Санькой, хотите Сашкой, а хотите, Шуриком.

Все засмеялись, один Ополк ничего не понял. Парни, хоть и говорили по-ихнему, но слов много незнакомых знали, непонятных.

– Ты у нас на любое дело горазд, за что ни берешься, всё у тебя получается, – сказал Грек. – Вот и имя тебе нужно взять, чтобы в переводе с древнего было «умелец», например. Эй, Ополк, какое имя ты бы дал нашему другу?

Ополк удивленно глянул на Грека.

– Почто?

– Вот я был Грек, когда в дружинники взяли, нарекли Гре-славом. Вот и Дизелю надо такое имя, чтобы каждый сразу понял, что он у нас умелец, на все руки от скуки.

Мальчик взглянул на Дизеля. Улыбнулся.

– Коли умелец, то кличьте Гораздом. А Мать Белые Воло-сы, егда встренула (при встрече) Диза, рекла: Горыня есть.

– Горыня? – переспросил Дизель. – Почему? Змей Горы-ныч что ли?

– Не маю змия сякого, – ответил мальчик. – Горыня – дю-же великий.

– Это да, – подтвердил Ярик, – он у нас самый большой, что гора.

– Аз речи – Горыня.

– Ну, что, Саня, согласен отныне быть Горыней?

– Нет, не согласен. Не нравится мне это имя. Чувствую себя персонажем из русской народной сказки. Ополк, а как по-вашему будет не просто большой, а крепкий, уравнове-шенный.

– Это ты уравновешенный? – подколот друга Клим. – Да, ты чуть что, сразу в панику.

– Врешь! Это я только на словах. А вот скажите мне, я вас хоть раз подвел? Хоть раз слабинку дал? То-то же! Саня Туров никогда паникером не был.

– Тур? – не понял Ополк, изобразив руками раскидистые рога. – Не, еще не Горыня, маю Стоян бых (если не Горыня, то Стоян).

– Стоян – подходяще, – согласился Дизель. – Стоян, значит, стойкий. Поняли? А, может, кто-то сомневается в моей стойкости? Давайте, высказывайтесь!

Ребята видели, что их друг по-настоящему обиделся. На самом деле, за все время, что они в другом времени, Дизель ни разу не подвел их, наравне с ними выдерживал все испытания. Ну, да, бывало, что начнет ныть, а то и заплачет, вспомнив сестренку. Зато, несмотря на больное сердце, вместе с Климом дотащил на себе Греслава до пещеры. Можно только представить, как ему было тяжело, но он не жаловался, устоял! Значит, Стояном будет зваться.

– На том и порешили: никакого Дизеля больше нет, а есть наш друг Стоян. Не возражаешь, Саня?

– Нет.

Потом был долгожданный и сытный обед, после которого все завалились в тенёк отдыхать. Тело просило покоя, а голова – хорошего многочасового сна.

– Волчок, ко мне! – скомандовал Клим. – Охраняй! Понял?

Если бы Волчок мог ухмыляться, он бы сейчас это сделал.

Тоже мне, охраняй. А что я до этого делал? Но тут вспомнил свое трусливое бегство из пещеры после того, как старик с посохом вывернул ему нутро, а потом поставил на место.

Развалившись под повозкой, Волчок чутко вслушивался в звуки окружающего мира, отмечая шум ветра, плеск ручья, мышиную возню, близкое бормотанье барсука и далекий треск сороки. Но сорока сообщала не о чужаках, а перемалывала уже известное всем: под старым дубом пестрые останки неосторожной птицы, угодившей в пасть лисе, сохатый пьет из ручья и никак не напьется, две белки поссорились из-за старого дупла, кукушонок выкинул из гнезда птенцов своих приемных родителей, ну и прочее. Будет что-то новенькое – обязательно сообщит. А уж он услышит, со слухом у него все в порядке.

Волчок перевернулся на другой бок. Эх, жаль двух клыков он лишился. Сегодня на охоте чуть промашка не вышла: еще бы чуток, и прощай гусь. Ладно, вовремя перехватил другой стороной челюсти. Надо привыкать хватать добычу слева.

Проснувшись за закате, поужинали тем, что осталось от обеда. Клим предложил на охоту сходить, но остальные решили, что утро вечера мудренее, и лучше как следует обработать раны на ступнях, которые до сих пор кровоточили. До сна переделали все необходимые дела. Греслав опять сводил Велену к ручью, проверил и подточил меч, покрутил для разминки кистень, попрыгал, отжался полсотни раз – короче выполнил тренировочный минимум. Клим проверил, сколь-

ко стрел у него осталось, подтянул тетиву на луке, закрепил на сапогах оторвавшийся ремешок.

Стоян лежал и задумчиво смотрел в темное небо. Слова Ярика о том, что вскоре им придется расстаться, сильно огорчили его. Он не представлял, что придет день, а рядом не будет его друзей. А где он будет? Может, попытать счастья еще раз и вернуться к пещере? Нет, страшно нарваться на лютых. Неплохо бы, конечно, снова в поселение Общей Матери. Там у него уже дело было – Догор обещал обучить его кузнечному делу. А можно к старику Пеку пойти и гончаром заделаться. Ушкуйники глиняную посуду с руками отрывают. Да мало ли чем заняться можно? Дом у них есть, можно корову завести, поросят. Житуха! Вот только без их команды плохо будет. Они все это время друг за друга держались, а что теперь? Каждый сам по себе? Нет, он, Дизель, то есть теперь Стоян, не согласен. Надо все хорошенько обмозговать, а не решать скоропалительно. Ишь, Ярик придумал: «разойдутся наши пути-дороги». Это мы еще посмотрим. Лично он готов следовать за Греславом и Климом и на войну. Будет санитаром! А что? Санитары очень даже нужны на всякой войне.

А Ярик вспоминал свою подружку Мыську. Как она там? Наверное, сидит на берегу, дует в дудочку, рассказывает подлунному миру грустную историю о том, как был у неё дружок, да пропал. Интересно, появилось ли новое перышко в обереге девчонки? Приглядывает ли она за куропатками, за-

боту о которых они поручили именно ей? Эх, сейчас бы в лес вместе с Мыськой, найти медовую борть, грибов набрать, приметить, где лещина богата орехами, чтобы по осени туда сходить. Чувствует ли Мыська, что с нами случилось? Ждет ли меня... нас... назад?

Ставра

Весь следующий день маленький отряд вслед за Ополком пробирался к реке Межени, чтобы, перейдя через её левый приток Нему, повернуть к озеру Лёжному. Если удача будет на их стороне и не встретятся чужие вроде лютых или торкаев, то через неделю они доберутся до селения Матери Белые Волосы.

Идти приходилось осторожно, прислушиваясь и посылая на разведку Клима с Волчком. Те не только осматривали дорогу, но и охотились, их добыча вместе с грибами, которые попадались повсеместно, насыщала и давала сил идти вперед. Иногда Ярику удавалось наловить рыбы в небольших речках, а Стоян особым способом запекал её в листьях или пучках травы. Получалось просто объедение!

Лес, по которому они пробирались, местами представлял собой сплошной бурелом. Бедной Велене приходилось тяжело – повозка хоть и была уже, чем современная телега, но мешала изрядно. Иногда приходилось протаскивать её буквально на руках. Никто и помыслить не мог, чтобы залезть в повозку и катить в ней. Велене и без того было тяжело, тем

более кобыла была предназначена под седока-воина. Греслав ни на шаг не отходил от Велены, постоянно проверял, не натерла ли она себе холку. А если повозка застревала, попав колесом в торчащие корни деревьев или между камнями, первым кидался освобождать.

Ополк обещал, что после Межени лес поредет, простору будет больше, и если правду говорил дед, то они пройдут между холмами, не заросшими лесом.

Третий день пути их расстроил: с раннего утра зарядил сильный дождь. Вначале хотели отсидеться под повозкой, накидав на неё лапника, чтобы не протекала, но потом отказались от этой идеи.

– Кто знает, сколько будет лить, – глядя в затянутое низкими тучами небо Ярик. – Дождь обложной. Можно просидеть и день, и два, и три.

– Обрадовал, – проворчал Стоян. – Нет бы полезное предложить.

– Могу и полезное. Предлагаю снять с себя всё, ну, кроме штанов, сложить в повозку и закрыть лапником. Мы-то не растаем, не сахарные, а дождь закончится, раз – а у нас одежда сухая.

– Ярик дело говорит, – поддержал Греслав. – Особенно сапоги нужно побережь. У меня уже хлопает внутри.

Он первым разулся, снял куяк (кожаная куртка с нашитыми металлическими пластинами), толстую вязаную рубаху и капу. Клим снял сапоги, приволоку, замотал в рубаху лук,

чтобы тетива не намокла и не ослабла. Ярик и Стоян скинули чирьи (ботинки), приволоки, капы, рубахи. Глядя на них Ополк стянул с себя приволоку – больше снимать ему было нечего: рубашка давно утонула в реке, куда он её сам забросил, чтобы сбить со следа лютых, а чирьи он носил лишь зимой, а в остальное время года бегал босым.

Всё сложили в повозку, закрыли лапником. Сверху уложили сулицу и меч Греслава, а вот с кистенем парень не захотел расставаться. Всё может случиться в дороге, а если не будет ничего непредвиденного, то кистень подойдет в виде спортивного снаряда – Греслав даже в пути не переставал тренироваться и использовал каждую возможность сбить ногой ветку с дерева или перепрыгнуть через преграду, а не перелезть как остальные.

Дождь не прекращался, мокрые тела посинели и покрылись мурашками. Парни шлепками старались разогнать кровь, подпрыгивали по примеру Греслава, приседали и двигали плечами. Но помогало мало. Решено было сделать остановку, разжечь костер и обогреться. Да и поесть не мешало.

За костер как всегда отвечал Ополк, который наломал нижних сухих веток у старой елки, добавил несколько горстей еловой подстилки и с двух ударов высек огонь. Поели то, что осталось от завтрака – Клим на охоту не пошел, да и Волчок в лес не смотрел. Наверное, тоже хотел погреться у огня.

Распрягли ненадолго Велену, пустили её пощипать тра-

ву, а сами забрались под защиту повозки. Места едва хватило. Волчок топтался рядом, выискивая, куда приткнуться. Но решив, что его шкура в любом случае не промокнет даже под сильным дождем, растянулся возле колеса с подветренной стороны – чтобы дым от костра не попадал на него. Ему сегодня с самого утра было беспокойно. А вскоре его беспокойство передалось клюсе, и она сейчас не столько щипала траву, сколько оглядывалась, кружа на одном месте и прядая ушами.

Волк втянул носом сырой воздух – необычных запахов не было. Дикий кабан несколько дней назад пометил территорию, но запах почти исчез. Ветром, правда, донесло запах свежей крови. У кого-то была удачной охота. Ещё птицы и мелкие звери разнесли по лесу тухлый запах остатков пиршества росомахи. Нет, необычных запахов он не чувял.

Согревшись у костра, парни по привычке начали вспоминать забавные случаи из своей жизни, обсуждать последние события, планировать дальнейшую свою судьбу. Разговор постоянно возвращался к пещере. Ополку было непонятно, чем так приглянулась друзьям та пещера, что не сходит у них с языка. Подумал: будет время и возможность, обязательно проберется в пещеру и разгадает её загадку. Например, как смертельно раненый Греслав за одну ночь выздоровел, а на месте страшной раны остался только неровно стянутый шрам? Или взять волка, который еле лапы тащил в гору, а сейчас бегаёт, будь здоров? Хоть и предупреждал его

дед не ходить за Синий лес, но если во всем слушать взрослых, никогда не повзрослеешь.

Вдруг всхрипнула Велена, потом тихо заржала. Греслав выглянул из-под повозки.

– Велена, что случилось?

Как будто она могла ему ответить. Кобыла замерла на месте, вытянув шею и явно прислушиваясь к чему-то. Но за шумом дождя ничего нельзя было расслышать. Вот Велена опять заржала, тихо, настороженно, как будто не была уверена, стоит ли заявить о себе во весь голос.

И тут откуда-то справа в ответ донеслось конское ржание, призывное, настойчивое. Теперь не только Греслав, но и остальные услышали его. Велена задергалась, натянув длинный поводок, одним концом привязанный в передку повозки.

– Тихо, тихо, девочка, – подскочил Греслав и начал гладить морду лошади. – С кем это ты переговариваешься? А вдруг это враги...

Конское ржание стало слышнее, как будто неведомый конник подходил все ближе и ближе. Парни вскочили. Клим выдернул из повозки лук и колчан со стрелами, зажал между коленями Волчка, вздыбившего на загривке шерсть. Греслав вооружился мечом, кинув кистень Стояну, а Ярику – сулицу. Они напряженно вслушивались в звуки, долетающие до них, но не могли распознать, что это.

В нервном ожидании прошло несколько минут. И вдруг

совсем рядом послышались голоса людей и снова конское ржание. Велена с готовностью откликнулась и, взбрыкнув, попыталась сорваться с привязи.

– Лютые? – голос Ярика дрожал от напряжения и нервного озноба.

– Не мае лютии, – отозвался Ополк. – Васень балий? (может быть, леший).

– Ага, балий, – передразнил Стоян. – Леший на коне, да? Не успел он договорить, как из-за ближайших деревьев показался конь. За ним еще один. А верхом...

– Бли-и-и-ин! Девчонки!

Действительно, в седлах сидели рослые девушки при полном вооружении: в руках длинные копья, продолговатые щиты, сужающиеся к низу, на поясе на кожаной перевязи широкие короткие мечи, заточенные с обеих сторон. Поверх рубаш, доходящих до середины бедра, удлинненные байданы (кольчуги), на ногах кожаные калиги (укороченные сапоги), на головах – шлемы. Волосы распущены и спускаются мокрыми нечесаными лохмами ниже лопаток.

Выставив перед собой пики, девушки исподлобья рассматривали полуголых парней.

– Прикидывают, сразу нас убить или поздороваться, – схохмил не к месту Стоян. – Здраве буде, девы!

Незнакомки молчали, рассматривая стоящих у повозки парней. Наверное, их ввело в недоумение, что парни были в одних штанах.

– Галечи? Торкаи? – спросила одна из девушек.

– Дреговичи, – ответил за всех Греслав.

Девушка кивнула в знак того, что поняла. Она обернулась назад и что-то крикнула. Из-за деревьев показались еще четыре всадницы. Последняя держала на поводу коня, к спине которого была привязана раненая женщина. Она тихо стонала, пыталась выпрямиться и поднять голову, но в бессилии снова падала на шею коня. Еще один конь был с седлом, но без всадницы.

На небольшом пространстве сразу стало тесно, не повернуться. Вооруженные всадницы окружили парней, а одна схватила под узды Велену.

– Лепая клюся, – проговорила она, оценивая стать лошади.

– Не трожь, – решительно шагнул к незнакомке Греслав, выставив перед собой меч. Сейчас он готов был биться даже с девушкой, если та посягнет на Велену, которую, как он пообещал Общей Матери, должен беречь пуще глаза. – Это мой комонь (боевой конь)!

– Шертире Перуне! (клянусь богом Перуном), – воскликнула девушка. – Кый сильный сыроядец (какой смелый дикарь).

Тут вперед выступил Ополк и начал что-то быстро говорить. Девушки слушали, и напряжение с их лиц постепенно уходило. Они уже посматривали на полуголых парней с интересом и даже всунули копья в специальные петли на седле,

а щиты перекинули за спину.

По команде той, что первая выехала к стану парней, остальные тоже убрали оружие и спешили.

– Это савры, – повернулся к парням Ополк. – Их не надо бояться.

– А кто это их боится? – проговорил себе под нос Стоян. – Подумаешь, амазонки!

Главная из девиц удивленно подняла брови.

– Мае амазоне?

– Знаю. И чо?

– Мы – савры! – ударила себя в грудь девушка. – Сходатаи ставромате и амазоне (потомки ставроматов и амазонок). Родичи от древлян (родня древлян).

– Здравсть! – ничего лучше не мог сказать Стоян. – А мы росичи, родичи от дреговичей. Ясно?

– С дрягове? Кый Мати мае? (кто у вас Мать).

– Мать Белые Волосы, – подошел Греслав. – Слышали?

– Чув.

– Мы к своим пробираемся из плена лютых, – начал объяснять Греслав.

– Маю, отрок рек еси (мальчик сказал), – девушка прогнулась устало в пояснице, но болезненно охнула, схватившись за бок.

Парни увидели, что ладонь девушки окрасилась кровью.

– Ты ранена?

Всадница промолчала.

– Пустите до каморы? – усмехнулась она, кивнув на чуть теплящийся огонь под повозкой.

– Пожалуйста. Нам не жалко. Можем больше костер развести, и накормим вас.

– Кый гораздый (какой ловкий), – отметила старшая, оглядывая Стояна. – Как звать?

– Стоян!

– Аз Ждана, – девушка подозвала своих подруг. – Это Русана, Радмила, Чеслава, Величка, Богдана. Там Ядига, – она кивнула на стонущую женщину. – Некраса пала, там... осталась... – на глазах девушки блеснули слезы. – А вы?

– Это Греслав, – начал перечислять Стоян, – Ярик, Клим, Ополк, ну и я Стоян.

– Здравы буде, друже.

– Здравы буде, – ответили парни.

Девушки выглядели крайне измученными, их байданы и рубахи были в размытых пятнах крови. У двух под шлемами перевязаны головы, одна прижимала к себе неестественно вывернутую руку.

– Пацаны, помочь надо, – проговорил Греслав. – Девчонки, видать, после битвы.

– Шалаш бы соорудить, да толку – не спасет от дождя, – Клим прикидывал, как устроить раненых.

А девушки тем временем устало сели прямо на землю, прислонившись спинами к ногам коней.

– Им бы поесть, – предложил Стоян. – Осталось у нас что?

– Откуда! Да и какая сейчас охота.

– Оставаться здесь без толку. Надо бы место найти, ну хоть поляну, чтобы стоянку полноценную сделать. Костер развести, поесть приготовить. У кого какие идеи?

Парни молчали.

– Тогда так, – Греслав был настроен решительно, – Ярик, полезай на дерево, глянь сверху, нет ли где поблизости поляны, а может, жильё увидишь.

Ярик, не говоря ни слова, окинул взглядом ближние деревья, выбрал самое высокое и ловко полез вверх. Практические уроки Мыськи не прошли даром. Добравшись до вершины, парень покрутил головой, пытаясь сквозь сплошную завесу дождя разглядеть нужное. Эх, хорошо бы сейчас попасть в деревню, в теплое жилище. Поесть по-человечески, горячего молока с медом не мешало бы, а то на таком ливне и простуду схватить можно на раз.

Слева и прямо лес без конца и края, а вот чуть правее заметны достаточно большие прогалы в сплошной зелени. Наверняка, это поляны или что-то в этом роде. Может, старая гарь, а может, озера. Так, надо запомнить направление.

Спустившись, Ярик рассказал друзьям об увиденном.

– Клим, Ярик, берите Волчка и дуйте в том направлении, разведайте обстановку и можно ли проехать повозке, – Греслав как всегда взял на себя командование. – Ты, Ополк, запрягай Велену, скажи Ждане, чтобы раненую переложили в нашу повозку. Дизель... то есть ты, Стоян, помоги девушкам

и пойдешь замыкающим. Я поведу Велену.

Ополк передал слова Гресева девушкам, а потом кинулся запрягать Велену. Стоян подошел к Ждане, подал руку. Та тяжело поднялась, держась за бок. Парень заметил, что её ладонь еще сильнее окрасилась кровью.

– Больно?

– Терпимо.

– Давай помогу.

– Русане и Величке помоги.

Вскоре маленький отряд пробирался по лесу, преодолевая завалы упавших от старости деревьев, узкие, но глубокие овраги, на дне которых скапливалась дождевая вода, делающая их склоны опасно скользкими. Час проходил за часом, и единственно, что радовало путников, что дождь постепенно стихал. Была надежда, что к вечеру он окончательно иссякнет, и можно будет обсушиться и развести нормальный костер.

Ждана и Стоян шли замыкающими. Парень уговаривал девушку ехать верхом, но та упрямо мотала головой и продолжала идти, держась за седло.

– Упрямая, как все девчонки, – ворчал Стоян. – Тоже мне амазонка в нашей российской глубинке. Упадешь, что я тобой буду делать?

Последнее, видать, Ждана услышала и хулигански чиркнула себя большим пальцем по горлу. Мол, «прикончишь меня».

– Ты откуда эти блатные жесты знаешь, а? – засмеялся

Стоян. – Ну, ты даешь?

– Дать? Не маю чего.

– Не обращай внимания, это такая присказка.

Ждана с трудом улыбнулась. Не было сил говорить. Если они до ночи не доберутся до подходящего места, то опять придется ночевать в лесу. А они так устали. И так болят раны. Бои в составе дружины князя Будимира измотали их, а потом еще эта дорога в непроходимых дебрях.

Ждана рассказала Стояну, как их Мать Домогара, возглавляющая отряд дружинников, после битвы приказала им, девочкам, получившим ранения, возвращаться. Дала в провожатые опытную Ядигу. Но к вечеру того же дня они нечаянно столкнулись с небольшим отрядом лютых. Принимать бой было рискованно – врагов было неизмеримо больше, а попадать в плен никому не хотелось. Ядига приказала всем уходить и вместе с Некрасой прикрывала их отход. Девушки ушли и ждали Ядигу с Некрасой в условленном месте. Но дождалась только раненую Ядигу, ведущую в поводу коня с мертвой Некрасой. Не нужно быть особо прозорливой, чтобы понять, рана женщины смертельная. Некрасу торопливо снарядили к предкам, а Ядигу везут в надежде, что та очнется. Без Ядиги они уже второй день блуждают по лесу. Заблудились... Только Ядига знала прямой путь к их селению.

Ждана тяжело вздохнула и поморщилась от боли. Неизвестно, к добру или нет они повстречали здесь этих стран-

ных унотов (парней). И откуда они здесь взялись? Мальчонка сказал, что бежали из плена лютых. Но может ли такое быть? Лютые известны своим жестокосердием, и бежать от них никому не удавалось. Если уноты действительно таких храбрецы, то встретить их – везение.

Дождь прекратился и тут же объявился Клим.

– А где Ярик? – был первый вопрос Греслава.

– Мы с ним разошлись, он взял чуть правее, а я резко влево. Ты не волнуйся, он не заблудится. Зря его Мыська за собой таскала по лесам!

Клим запыхался, от мокрой рубахи валил пар.

– Короче, в ту сторону соваться нечего: буерак на буераке, маленькие речушки водой напитались, воды по грудь, повозка не проедет. Чуть дальше ряд холмов вроде курганов, ровенькие такие, как по линейке сделанные, а потом жиденький лесок и болото. Как далеко болото тянется, не знаю, но место гиблое, это точно. Правда, можно обогнуть курганы, но стоит ли оно того? Вдруг там тоже болото или такой же буреломный лес. Да, справа от холмов выжженное место, то ли природный пожар был, то ли кто поджег. Но пожарищу самое малое лет десять-пятнадцать. Поросль уже вот такая, – рука Клима взметнулась выше головы. – Но место жуткое!

– Ладно, ждем Ярика.

Ярик появился, когда парни начали уже волноваться за него. Он еле двигал ногами от усталости и выглядел странно: глаза вытарашенные, руки дрожат, дышит запалено, и вооб-

ще вид такой, будто он марсианский космический корабль увидел.

– Хуже, пацаны, гораздо хуже, чем корабль пришельцев, – проговорил Ярик, едва отдышавшись. – Своими глазами видел, но до сих пор не верю.

– Что видел?

– Вы не поверите!

– Ну, говори, что тянешь!

– Не поверите... Сам себе не верю...

– Да, хватит тебе причитать, как старуха: верю, не верю.

Говори!

– Вот именно – старуха! Причем не простая старушка, как например, у дреговичей, или как бабуля у Сани, а...

– Ну...

– Баба Яга! И избушка у неё на курьих ножках! Не верите?!

– Глюки у тебя от голода, – проговорил Стоян. – Привиделось, черт знает что, а мы, дураки, уши развесили и слушаем.

– Какие глюки, Стоян! Зуб даю, Баба Яга!

– А Лешего и Русалки на ветвях не видел?

– Сам ты Леший! Говорю же я – настоящая Баба Яга. Только костяной ноги не заметил. А наверняка она есть.

– Успокойся, Ярик! Ты устал, проголодался, вот тебе и глюки, – Стоян положил руку на плечо друга. – Хочешь, садись в повозку, отдохни...

– Глюки, глюки.. Не верите! А я вас хоть раз обманул? Ну,

обманул?!

– Лютые? Где лютые, – к ним обеспокоенно спешила Ждана. – Сам видел?

– Не лютые, а глюки, – ответил Стоян. – Как тебе объяснить...

– Стоян, нет времени на разговоры, – пресёк Греслав. – Ярик, ты точно видел старуху? Значит, рядом жильё?

– Видел, а жильё это или нет, не знаю. Хотите, идите и смотрите.

Обиженный Ярик отошел в сторону, присел у повозки. К нему тут же подошел Волчок, плюхнулся рядом, всем видом показывая, что он верит ему.

– Веришь, Волчок, что я видел Бабу Ягу? Ну, не мог же я ошибиться. И глюки здесь ни при чем.

А Греслав уже скомандовал двигаться вперед.

– Ярик, показывай дорогу.

Парень нехотя поднялся, потрепал за уши Волчка и побрел вперед.

– Еще извиняться будешь, – бросил он, проходя мимо Стояна.

– Иди, иди, сказочник!

Маленький отряд поспешил в направлении, указанном Яриком. Настроение у всех чуть поднялось. Верили, что скоро окажутся среди людей, обсохнут, отдохнут, подкрепятся. А там решать будут, куда дальше.

– Ядига одна знала, как пройти домой, но мы нарвались за

засаду, и её настигла стрела, – объясняла Ждана уже Греславу, когда тот спросил, в какой стороне их селение. – Кинулись в лес, чтобы следы запутать, и сами заплутали. Ночь была, сбились с пути. День плутали, еще день. Некраса кровью истекла, и Ядига помочь не может, в сознание не приходит.

– А ты приблизительно знаешь, где ваше селение? Может, там река есть или гора известная?

– Горы нет, а река есть – Шегра.

– Не слышал про такую, – пожал плечами Греслав. – Ладно, не переживай, сообразим что-нибудь. Если бы ты знала, из каких передряг мы с пацанами выбирались.

– Из дрягве (из болота)?

– Из болота тоже.

Лес понемногу стал редеть, и вскоре перед путниками предстала довольно большая, вытянутая с севера на юг поляна. Ничего особенного, поляна как поляна. Только вот...

Слившись с зеленью деревьев, справа стояло странное строение, вроде походной кибитки. И действительно на курьих ножках!! Правда, когда присмотрелись, оказалось, что не курьи ножки, а сзади и посередине кибитку поддерживают четыре огромных колеса на железных ободах, а спереди – два чурбака с поперечиной, толщиной не менее семи-восьми дюймов. Из таких в современном мире шпалы делают. Кибитка была из толстых жердей, углы стянуты металлическими скругленными скобами. Сверху все покрыто звериными шкурами.

Перед входом в кибитку платформа метра в два в ширину. На ней, поджав под себя ноги, сидела старуха. Длинные седые волосы падали ниже плеч, сверху металлический ободок крепил на макушке выцветший квадрат платка. На старухе был кожаный куяк с позеленевшими от времени и старости медными пластинами по плечам и на груди. Старуха была смугла, носата и сгорбленная. Ярик не ошибся – Баба Яга!

А потом она поднялась во весь рост. Оказалось, что старуха довольно высокая и очень худая, но у неё прямая спина и широкие плечи. Вместо юбки на поясе закреплены два коротких, выше колен, полотнища грубой материи, завязанные по бокам на тонкие кожаные ремешки. Обута старуха была в чирьи с меховыми носками, обмотанными ремешками.

Но самое главное, когда старуха поднялась во весь рост, в руках её оказался меч, длиной более полуметра, обоюдоострый, сужающийся к низу в виде треугольника, с резной рукоятью. Таким мечом хоть рубить, хоть колоть!

– Бли-и-и-ин! Акинак! – проговорил Клим. – Я такой в музее видел, в отделе скифов. Неужели скифка?

Волчок, почувствовав волнение хозяина, оскалился, зарычал. Но стоило старухе по-особому перекрестить пальцы правой руки и сунуть в его сторону, как волк тут же замолк и, глухо ворча, сел у ног Клима.

Старуха молча смотрела на неожиданных гостей. Потом отыскала взглядом рыжую голову Ярика и усмехнулась.

– Брдгарсбргуртар! – громко проговорила она.

Парни ничего не поняли, зато Ждана, спешившись и сбросив узду Греславу, смело пошла к кибитке, на пороге которой стояла странная во всех отношениях старуха. Их разговор длился не более двух минут, а потом девушка повернулась к своим путникам и махнула рукой.

Её подчиненные тут же спешили и встали на одно колено, положив рядом с собой на землю оружие. Парням ничего не оставалось, как сделать то же самое.

Потом Ждана протянула старухе согнутую руку, та протянула свою. Они взяли друг друга за локти в виде рукопожатия, а потом коснулись друг друга лбами.

– Ставра Маара! – выкрикнула Ждана и вскинула над головой меч.

– Любо! – В ответ прокричали девушки и, подхватив оружие, поспешили к кибитке.

Они по очереди подходили к старухе, протягивали руки, пожимали ей локоть и касались лбом её лба. Когда ритуал приветствия окончился, старуха вместе с Жданой подошли к парням. Те поднялись с колен и решали, протягивать им руки или нет.

– Это ставра, зовут Маара – представила старуху девушка. – Потомок одного из скифских племен, которые породнились с сарматами. Она здесь одна, уже давно, лет десять или больше.

– Ничего себе, – протянул Стоян. – Совсем одна здесь?

– Одна. Она не могла отсюда уйти вслед за своими.

– Почему?

– Долгая история. Она потом расскажет, а пока поздоровайтесь.

– Как?

– Видели, как мы?

– Видели.

Клим первым подошел к Мааре. Она была выше его почти на голову. Он протянул руку, сжал её острый локоть, коснулся лба старухи. Вблизи он рассмотрел, что не такая она уж и старая, лет сорок с небольшим. Седые волосы её старят и нос длинноват, а вот синие глаза как у молодой.

За ним подошли поздороваться Ополк и Стоян. Отметив высокий рост последнего, старуха одобритительно хлопнула парня по груди, и тот почувствовал крепость её руки.

– Ну, бабка! Боксом, наверное, занималась.

Брови старухи поднялись на лоб.

– Брдгарсбргуртар, грдгурсугуртар, – проговорила она, обернувшись к Ждане. Та ответила ей, и ставра Маара снова стукнула Стояна, но уже по плечу.

– Маара сказала, что ты большой, здоровый, настоящий скиф.

– Ага, – расплылся в улыбке Стоян. – Она тоже ничего. Симпатичная даже. А Ярик сказал, что Баба Яга.

Старуха вслушивалась в непонятную речь, а потом подошла к Ярику.

– Брдгарсбргурте, грдгурсугуртар, – растянула она узкие

губы в улыбке и дернула парня за рыжий вихор.

– Маара говорит, что знала о твоём появлении задолго до того, как заметила тебя.

– Как это?

– Она говорит, что ей лес сообщил о том, за каким деревом ты прячешься. А потом она ждала нас. Только не знала, кто мы и откуда.

– А что же лес ей не сказал? – съехидничал Ярик.

– Лес не так болтлив, как ты, – ответила Ждана.

Последним к старухе подошел Греслав. Та оценивающе оглядела его крепкое, накаченное тело, сильные руки и мускулистые ноги. Отложив в сторону акинак, старуха взяла его за локоть и потянула на себя. Но Греслав стоял как вкопанный. Тогда ставра резким движением качнулась назад, потянув парня на себя. Другой бы тут же растянулся, но Греслав, не прекращавший тренировки ни на один день, ловко перевернулся через голову и оказался в стойке, одним коленом прижав руку старухи к земле. Та не осталась в долгу и сделала захват ногами – шея парня оказалась в перекресте сухих загорелых ног ставры. Греслав напрягся и перевернулся на бок, а потом, цапнув старуху за руку выше кисти, резко потянул её в сторону. Той ничего не оставалось, как отпустить парня, а затем кувырком через голову оказаться на безопасном расстоянии.

– Ну, цирк! – оценил спарринг Стоян. – Бабка-то не простая, типа каратистка!

– Все ставры обучены борьбе, – пояснила Ждана, наблюдавшая за поединком. – А ваш друг неплохо справился! Ставры известны своим умением побеждать даже мужчин.

– Нашего Греслава так просто не возьмешь! – похвастал Ярик. – Ты еще не видела, что он с кистенем вытворяет. Жуть!

Ставра поднялась с земли, прикрепила акинак к ременному поясу и позвала Ждану. Та повела старуху к повозке, на которой лежала Ядига. Осматривая женщину, ставра низко наклонилась, принюхалась к ране, взяла несчастную за руку и долго слушала, как бьется жилка чуть выше запястья.

– Разбирается, – проговорил Ярик, наблюдая за действиями старухи. – Ну, а нам что делать?

– Как всегда, – Греслав отряхнул прилипшие к штанам траву и землю. – Клим, на тебе ужин, Стоян, ты иди к Ждане, делай, что скажет. Мы с Яриком коней стреножим, отведем к воде. Ополк на подхвате. Думаю, мы здесь до утра, а то и дольше. Стоян, спроси невзначай у старухи, может, у неё котел есть, чтобы ужин приготовить.

Стоян качнул головой в знак согласия и пошел к повозке, где ставра заканчивала осмотр раненой.

– Надо Ядигу в кибитку занести, – устало проговорила девушка. – Иди, помоги ставре. Она скажет, что делать.

– Ага! Она-то скажет, да только я её фиг пойму, – пробормотал себе под нос Стоян. – Ждана, я не понимаю её!

– Не трудно. Поймешь.

Она повернулась к своим спутницам и приказала подкатить повозку ближе к кибитке Маары.

А та уже вытащила две огромные жерди и стояла, выжидательно глядя на Стояна.

– И что делать? – спросил тот, подойдя.

Ставра кинула ему одну жердь. Потом взяла вторую, просунула в металлическое кольцо в самом низу передней стены. Такое же кольцо было и со стороны парня. Тот сделал то же самое, не понимая, что дальше. А дальше ставра начала поднимать жердь, взглядом приказывая Стояну делать, как она. Парень поднатужился и почувствовал, что стена поддается. Они вдвоем со старухой подняли переднюю стену вровень с крышей, а концы жердей вставили в специальные нижние пазы. Получился навес.

Гостям открылось внутреннее пространство кибитки. Оно было довольно большое: метра четыре или чуть больше в длину и чуть меньше трех метров в ширину. Стены покрыты разноцветным войлоком. Из мебели два сундука, обитых медными полосами, низкий, высотой не более полуметра стол, расписная люлька на крюке под потолком. Между двумя сундуками большой плетеный ларь, на его крышке плоские медные и глиняные блюда, небольшие чашки и кувшин. Пол кибитки был застелен темным войлоком и кое-где покрыт стегаными одеялами и цилиндрическими валиками, служащими, должно быть, вместо подушек.

Ставра дернула за край нижний войлок и потащила его

под навес. Туда же перекинула валик и показала, что раненую надо переложить именно сюда.

Русана и Радмила, стоя в повозке, подняли Ядигу, которая не переставала стонать, и передали стоящим под навесом Величке с Богданой. Те уложили женщину, подсунули ей под шею валик. А потом старуха приказала раздеть раненую.

– Иди, – велела Стояну Ждана. – Понадобишься – позову.

Стоян и сам бы сбежал, чтобы не видеть обнаженного тела, но ставра не отпустила его.

– Дугарсергуртар, таргогурсугуртар, – крикнула она ему.

Тот глянул на Ждану.

– Ставра велела тебе зажечь факел.

– Ага, а где я его возьму?

Но на его вопрос ответа не последовало, и он отправился за помощью к Ополку, который уже разложил костер и подкладывал в огонь собранные поблизости сухие ветки. Мальчишка быстро сообразил, что от него требуется: нашел крепкий сук, намотал на конец сухой травы, сверху обвязал тряпкой. Теперь заготовку следовало окунуть в смолу. Но где её взять? А ставра уже звала Стояна, махала ему рукой.

– Да иду я уже, – бурчал он, затягивая узел у основания факела. – Бензинчику бы сейчас, вот бы заполыхало.

Старуха критическим взглядом оглядела факел, сморщилась недовольно, но ничего не сказала. Легко спрыгнула с помоста, нырнула за колесо и вытащила оттуда горшок с дурно пахнущим месивом. Сунула руку в горшок, взяла целую

горсть месива и стала обмазывать голову факела. Тщательно, не торопясь. Вонь стояла невыносимая. Стояну хотелось зажать нос или вовсе уйти, но ставра сунула ему в руки древко факела и взглядом отправила к костру.

– Понял я, – кивнул парень. Он опустил оружие в костер, а когда пламя разгорелось, помчался к избе.

– Блин, я как Данко!

На крик обернулись девушки. Они, конечно, не знали, кто такой Данко, но силились понять, чему так радуется их спутник.

Старуха велела Стояну держать факел так, чтобы огонь освещал тело раненой. Вот этого парень не ожидал! Он впервые видел голую по пояс женщину! Хотел зажмуриться, но ставра пребольно стукнула ему по лбу костяшкой согнутого пальца.

– Ждана, – жалобно позвал Стоян. – Возьми факел.

Но девушка ничем не могла ему помочь: она без сил привалилась к колесу повозки и закрыла глаза. Выражение лица яснее слов говорило, как ей плохо, а под пальцами левой руки, сжимающий бок, расплывалось кровавое пятно.

– Ставра, эй ставра! – потянул старуху за плечо Стоян. – Гляди!

Старуха оглянулась, но, по-видимому, не увидела ничего особенного и снова вернулась к Ядиге. Держа, как велено, факел, Стоян то и дело оглядывался на Ждану. Когда уж ставра закончит осматривать раненую и обратит внимание

на девушку?

Парень мысленно торопил хозяйку избы, и беспокойство за девушку растворило смущение, которое он испытывал, глядя на голое женское тело.

А Маара тем временем что-то крикнула Богдане и махнула рукой в сторону. Та вошла в избу, взяла кувшин и побежала туда, куда указала старуха. Через несколько минут вернулась с водой. Старуха достала из ближнего к ней сундука корчагу, закрытую промасленным куском пергаменты и обвязанную цветной тряпицей. Осторожно освободила корчагу от обертки, наклонила над горлом кувшина и вылила туда чуть ни половину густой темной жидкости. Покачала кувшин, чтобы жидкости перемешались, нагнулась, поглядела, что получилось, понюхала и даже отпила глоток. Потом взяла глиняную чашку без ручки, отлила в неё немного из кувшина и наклонилась над женщиной.

– Брдгарсбргуртар, грдгурсугуртар, – проговорила она, и хотя для Стояна её речь была набором звуков, он понял, что требовалось приподнять женщину за плечи. Что он и сделал. А ставра надавила ладонью на подбородок раненой, рот открылся, и содержимое чашки потекло внутрь. Женщина застонала, мотнула головой, но ставра схватила её за волосы и с силой запрокинула голову, заставив проглотить жидкость. Женщина испуганно открыла мутные от боли и жара глаза, пытаясь понять, кто не дает ей плыть в черном забытьи. Разглядев перед собой носатое лицо незнакомой стару-

хи, она попыталась нашить рукой оружие, но очередная порция жидкости потекла в рот и, чтобы не захлебнуться, бедняжке пришлось подчиниться.

Когда вся чашка темной жидкости была влита в раненую, удовлетворенная результатом старуха устало разогнула поясницу. Устал и Стоян, которому приходилось удерживать Ядигу, которая вырывалась, пихала его ногами и царапала плечи и лицо.

Теперь ему надо было обратить внимание ставры на Ждану. Голова девушки безвольно запрокинулась, и хриплое дыхание свидетельствовало, что она без сознания. Стоян подбежал к ней, обнял за плечи, попытался поднять с земли. Не получилось.

– Эй, девчонки! Помогите!

На его зов подошли Чеслава и Богдана. Они подняли Ждану и вопросительно глянули на Стояна.

– Туда! – показал он, где лежала Ядига.

Девушки подчинились. Они осторожно опустили Ждану у ног ставры. Та присела, положила руку на лоб. Ну, совсем как бабуля раньше определяла, есть ли у внуков температура, отметил про себя Стоян

– Брдгарсбргуртар, грдгурсугуртар, – вздохнула ставра. – Рсбргуртит!

– Чего сбргуртит? Лечить надо! Понятно?!

Старуха глянула на взволнованного парня, потом на девушку, покачала головой. Она рывком перевернула Ждану

на правый бок и залезла рукой под байдану. Проведя там ладонью, видно, что-то нащупала. Не удовлетворившись этим, она потянула байдану через голову девушки. Взглянула на Стояна, мол, сам знаешь, что нужно делать дальше – раздевай! Он беспомощно оглянулся на Чеславу и Богдану, но те без сил свалились у костра рядом с Величкой и Радмилой. Столько дней без сна и отдыха! Тут и крепкие мужики давно бы вырубались, не то что девушки.

Ладно, сам виноват! Кричал, что лечить надо. А инициатива, как говорил его дед, наказуема. Хотя, если честно признаться самому себе, то какое это наказание? Подумаешь, девчонке рубашку задрать.

Стоян решительно поднял до груди край байданы, потом верхнюю вязанную, затем нижнюю холщовую. Под ними обнаружилась окровавленная наспех сделанная повязка – просто кусок материи обернут вокруг талии. Не только рубахи заскорузли от крови, но и нога от талии до голенища сапога была в засохшей крови. Ставра размотала повязку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.